

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ВАКАНСИЯ

МАНЬЯКА

ЗАНЯТА

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Вакансия маньяка
занята (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Вакансия маньяка занята (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-094470-5

Полковникам МУРа Гурову и Крячко поручено деликатное дело. Живущий в глубинке племянник их непосредственного начальника обвиняется в серийном убийстве. Очевидно, что кто-то пытается скомпрометировать генерала. Сыщики выезжают на место, где выясняют, что ни в чем не повинного парня попросту огульно «назначили» маньяком. Но кто? Круг его знакомых – местные пьяницы и бездельники – на такое не способен. Правда, есть еще возлюбленная племянника Рита... Именно после знакомства с ней у столичных оперативников начинается череда серьезных проблем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094470-5

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Вакансия маньяка занята	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Леонов, Алексей Макеев

Вакансия маньяка занята

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Вакансия маньяка занята

Повесть

Глава 1

Уверенным шагом пройдя через приемную начальника главка угрозыска генерал-лейтенанта Петра Орлова, мимо вечно прихорашивающейся секретарши Верочки, старший оперуполномоченный полковник Лев Гуров без особых церемоний вошел в кабинет и сдержанно поздоровался с его хозяином. Сидевший за своим рабочим столом Орлов дружески приподнял руку и, кивнув, обронил с каким-то непонятым вздохом:

– Привет, Лева, приве-ет...

Тут же уловив во взгляде, словах и даже позе генерала нечто далекое от оптимизма и даже упаднически-пессимистичное, Гуров не мог не отреагировать участливым вопросом:

– Что-то случилось?

Петр на это неопределенно пожал плечами. Но в конце концов, перемежая свое повествование досадливыми «гм-гм» и сокрушенными вздохами, он решился-таки поведать о только что свалившемся на него более чем неприятном известии. Суть проблемы заключалась в том, что его пусть и дальний, но, как ни верти, родственник по каким-то совершенно непонятым причинам вдруг оказался особо опасным уголовником. Точнее, маньяком, совершавшим в своих краях нападения на женщин и зверски убивавшим их после садистского насилия. Такая новость для Петра стала громом среди ясного неба. Да и кто бы воспринял подобное как подарок судьбы?!

Как явствовало из рассказа Орлова, в небольшом райцентре Горбылеве, что на речке Крякве, впадающей в вольный Дон, проживает его двоюродная сестра Елена Кубышная. Без мужа она осталась давно – он умер после того, как попал в серьезное ДТП с участием большегруза, вылетевшего ему на трассе прямо «в лоб». Для семьи с тремя малолетними детьми это стало тяжким ударом. Но Елена оказалась женщиной сильной и стойкой. Она сумела поставить на ноги двоих дочерей и сына. Девчонки давно уже замужем, у обеих уже дети. А вот сын – его зовут Андреем, в семье он самый младший – все еще не женат и проживает с матерью. Парень окончил педагогический колледж и, отслужив срочную на Севере, вернулся в свою же школу в качестве физрука.

– ...С Еленой я контакту редко. Чаше она мне звонит. Ну, там, на Новый год или к Дню Победы... – наморщив лоб, повествовал Петр. – Видимся еще реже. Она, помнится, года три назад приезжала в Москву и останавливалась у нас. Приглашала к себе. А мне-то – сам знаешь! – по гостям когда ездить? Андрея я видел всего один раз, еще совсем маленьким. Они с Геннадием, его отцом, лет двадцать назад были у нас проездом. Помню, такой хороший мальчонка был! Бойкий и шустрый, к тому же такой умница – о-о-о! Вот я и думаю: неужели он и в самом деле стал насильником и убийцей?! Господи! Если это подтвердится, то сразу же подам в отставку!

В кабинете повисла напряженная тишина.

– А тебе кто об этом сообщил? – положив ногу на ногу и покачивая носком туфли, спросил Гуров без малейшего намека на какие-либо эмоции.

– Н-ну-у, как это – кто? – Орлов исподлобья взглянул на Льва и даже издал недоуменное «пф!». – Из министерства позвонили. Конкретно – начальник их информационного отдела. Тут все просто... Информация прошла по обычной служебной цепочке: райотдел сообщил в область, область – в министерство. Ну а уж оттуда – мне...

– Ну, насчет служебной цепочки я и сам «в курсах». – В глазах Гурова промелькнули искорки иронии. – Меня интересует другое. Если твой племянник – Кубышный, то кто и как определил, что маньяк – именно твой племянник, а не чей-то еще?

Этот вопрос озадачил Петра еще больше.

– Ты предполагаешь, что во всем этом может быть какая-то «собака зарыта»? Хм-м-м... Ну-у, как могли узнать? Городишко-то у них – всего-то тысяч десять населения. По сути, большая деревня. Там больше половины жителей друг друга знает в лицо. Думаю, знают и то, кто именно Елене доводится братом, пусть даже и двоюродным. Да и сам Андрей наверняка мог козырнуть своим родством при задержании...

– То есть достоверно точно этого ты не знаешь, – саркастично парировал Лев. – Так? Так. Свои предположения можешь оставить при себе – это для меня пустой звук. Мне нужен твердый, конкретный факт, четкая, внятная информация: каким образом некие лица, заинтересованные в том, чтобы ты или ушел с этой должности, или пошел на какую-то сделку, узнали о твоём родстве с Андреем Кубышным? Это первое. Второе. Ты Елене уже звонил?

– Пытался. Даже несколько раз... – Орлов изобразил досадливую мину. – Но ее телефон почему-то постоянно отключен. Может быть, она его потеряла и теперь у нее другая сим-карта?

– Даже если бы она потеряла телефон, то симку-то вполне могла заказать с тем же самым номером! Что-то мне все это о-очень не нравится! – Гуров несогласно качнул головой и почти приказным тоном предложил: – Звони еще!

Петр послушно стал нажимать кнопки на своем сотовом и, некоторое время подержав его перед ухом, огорченно развел руками:

– Робот уведомляет, что телефон абонента в данное время может быть отключен.

– Допустим! Но почему бы тебе не созвониться с горбылевским райотделом и не выяснить напрямую, что там произошло на самом деле? – Похоже, случившееся начало потихоньку раздражать Льва.

– Да звонил я, раздербань его кочерыжку! Звонил... – досадливо буркнул Орлов. – Как мне рассказал начальник тамошнего райотдела, Андрея задержали на месте преступления, с орудием убийства в руках – разделочным ножом, между рукоятью и лезвием которого эксперты нашли генетический материал, принадлежащий двум предыдущим жертвам. Та, которую успел спасти случайно оказавшийся неподалеку наряд полиции, должна была стать пятой.

– Экспэ-э-рты... – многозначительно поцокал языком Лев. – Из всех экспертов на сто процентов я доверяю только нашему Дроздову. А вот некоторым другим... Помнишь дело «мажора» Гнидеева, сына хозяина сети автосалонов? Он изнасиловал девочку-старшеклассницу. И что показала судмедэкспертиза? Что она – конченная шлюха, утратившая девственность чуть ли не в детском саду. А чего стоили «свидетели», которые объявили, что потерпевшая неоднократно встречалась с мужчинами, оказывая им платные интимные услуги?

– А-а-а... Дело Гнидеева? Помню, помню... – кивнул Петр.

– А что выяснилось в реальности, когда была проведена повторная экспертиза силами спецов нашего центрального госпиталя? Оказалось, что девочка была невинной и после нападения на нее этого раскормленного кабана попала в больницу с тяжелейшими разрывами и травмами. Так? А «свидетели» оказались дешевыми уродами, которые за бабло Гнидеева-старшего и мать родную объявили бы проституткой. А почему так получилось? Да потому, что никто никакой ответственности не понес. Ни-кто! Свидетелей наказали месяцем условно, а насильник тут же уехал за границу, и следы его там затерялись. Поэтому, скорее всего, его никогда не посадят.

– Может быть, может быть... – сцепив меж собой пальцы, удрученно резюмировал Орлов. – Ну, что тут скажешь? К сожалению, наша Фемида хоть и имеет повязку на глазах, но ее уши слишком широко открыты для телефонных звонков. Особенно из очень высоких кабинетов...

– Ага, а карманы мантии некоторых ее «жрецов» – для пожертвований заинтересованных лиц, – иронично рассмеялся Лев. – Кстати, а когда ты звонил в райотдел, то как представился?

– Просто как родственник задержанного. Согласись, если бы я назвал себя по имени и должности, то... Думаю, уже сегодня это стало бы известно в министерстве и было бы расценено как попытка давления на следствие. Со всеми, как говорится, вытекающими...

– М-м-м!.. Это очень благородно. Да-а-а! Тебя срочно нужно поместить на стенд «Образцовый исполнитель морального кодекса строителя коммунизма», – сочувственно произнес Гуров.

– Лева, ход твоей мысли, ее направленность, мне понятны, – досадливо отмахнулся Петр. – Но повторю еще раз: с точки зрения служебной этики если я вмешаюсь в расследование по делу Андрея, то чем буду лучше того же Гнидеева-старшего?! И дело не в том, что я собираюсь корчить из себя рафинированного идеалиста. Нет! Просто при определенных обстоятельствах этот момент мне могут представить как свидетельство моей личной нечистоплотности. Согласись, мой «лучший друг» тут же мне припомнит, как этой весной я отправил под суд его собутыльника, генерал-майора Тяпрунова, за получение взятки. Один мой неверный шаг, и весь гадючник тут же начнет жалить меня со всех сторон.

– Так ведь речь не о том, чтобы вмешаться, а о том, чтобы разобраться! Ты же не стал бы давить на того же следователя, требуя от него оправдательного хода расследования? Нет. Но абсолютно резонно уточнить, насколько это расследование честно и объективно и не представляет собой исполнение чьей-то заказухи.

– И кто же, по-твоему, заказчик случившегося с Кубышным, если считать, что он ни в чем не виноват и его дело не более чем хитрая инсинуация? – Петр выжидающе побарабанил пальцами по столу.

– Тот, кому выгодно тебя или «переформатировать», или совсем убрать из этого кресла. Подполковник Макаров сейчас каким делом занимается? Загадочной смертью банкира Штукаева. И мы оба знаем, что Макаров – мужик-камень, которого не купишь, не запугаешь, что опер он сильный и упрямый. Знаем и то, что Штукаев располагал самой полной информацией о каналах незаконного вывода общаковых и украденных бюджетных денег во всякие офшоры. Так? Знаем и то, что, пока ты у руля главка, Макаров будет заниматься этим делом, копая денно и ночно. И что бы ни случилось – хоть земля перевернется, до корней проблемы он все равно докопается. И тут встает вопрос, который сегодня мучает некоторых очень больших людей: как им остановить Макарова? Как... Только убрав тебя тем или иным способом. Я не прав?

– И какова же будет, скажем так, квинтэссенция нашего обсуждения? – задумчиво спросил Орлов. – Что именно ты предлагаешь?

– Надо срочно ехать в Горбылево и на месте разбираться с тем, что на самом деле произошло с Андреем Кубышным, – твердо объявил Гуров как о чем-то само собой разумеющемся.

Петр потер виски и с оттенком сочувствия спросил:

– Лева, но ведь ты же пришел ко мне за чем-то совсем другим? Хотел поговорить об обещанном вам со Стасом отпуске за Кирканина-младшего? Кстати, на днях Кирканин-старший мне звонил, рассказывал, что ездил в Ликово. От Алтая в полнейшем восторге, снохой доволен, собирается открыть в тех краях свои филиалы. Какой-то тамошний старец предсказал ему невероятный успех на той территории.

– А, дед Ефим... – усмехнулся Гуров. – Да, необычная личность. Ну, в общем-то, ты прав. Сюда я шел именно насчет отпуска и готов был его чуть ли не зубами вырывать. А то ж! На рыбалке мы уже сколько не были?! Но, мон шер дженераль, случившееся с твоим племянником все радикально меняет. Когда в доме пожар – не до комнатных цветов. Сейчас со Стасом все обмозгуем, и... О! А вот и он – наш несравненный Стас! – С утрированной торжественностью Лев простер руку в сторону вошедшего в кабинет Станислава Крячко, своего старого друга и напарника, такого же, как и он сам, оперуполномоченного главка в звании полковника.

Тот, сразу же уловив, что в его отсутствие здесь состоялся какой-то очень важный разговор, плюхнулся в кресло и вопросительно мотнул головой:

– Ну, рассказывайте, о чем тут трендели, мудрые мудрецы? Про какую палку о двух концах? А то я Леву все жду и жду, а его все нет и нет с радостной вестью о ниспосланном нам отпуске. Правда, что-то мне подсказывает, что с отпуском возникли серьезные проблемы. А? – с многозначительной ухмылкой взглянул он на Орлова.

– Возникли, возникли... – уже совершенно серьезно вместо Петра ответил ему Гуров. – Стас, как ты смотришь на то, что наша славная контора может остаться без такого ценного, чуткого и отзывчивого руководителя, как наш Петро?

Изобразив гримасу недоумения и похлопав глазами, Крячко протестующе фыркнул:

– Ну, понятное дело, хреново отношусь. А его что, собираются отсюда катапультировать?

– Да, кем-то излишне хитрожопым создаются предпосылки к тому, чтобы он сам подал в отставку. Ты же Петруху знаешь – нашего, так сказать, «невольника чести», который, как самурай: если что-то не так, тут же кидается делать себе служебное харакири. Но знают-то об этом и другие, поэтому, как я понял, ему устроили хитрую подставу...

Лев вкратце рассказал о происшествии в Горбылеве и в заключение добавил:

– ...Так что, друже Стас, в отпуск мы уходим и на рыбалку отправляемся. Но рыбачить поедем на речку Кряква, что по соседству с «мегаполисом» Горбылево. Причем строго за свой счет!

– За сво-ой?! – Крячко озадаченно почесал за ухом.

– За сво-ой! – передразнил его Гуров. – Если Петро даст нам туда официальную командировку, то его тут же слопают некоторые министерские «доброжелатели». А как отпускники мы можем ехать, куда нам самим заблагорассудится.

Подбоченившись, Крячко важно закивал в ответ.

– Ну, ладно! Я только «за»! Когда выезжаем?

– Сегодня же. Немедленно. Причем своим ходом. Чур, на моем «Пежо»! – поспешил уведомить Гуров.

– У-у-у! – поморщился Станислав. – А мой «мерин» чем хуже? Я его откапиталил так, что он любому «Пежо» сто очков вперед даст. А давай дернем спички? Короткая – «Пежо», длинная – «мерин». Идет?

– Ну, идет, идет... – согласился Гуров. – О, как раз в кармане заваялся спичечный коробок. Итак, начали!..

Он зажал между пальцами две спички, предварительно обломив одну из них, и Крячко, поддев за головку ногтями ту, что справа, к своей досаде, вытянул короткую.

– Блин! Лева, ну ты катала! – Серdito бросив спичку, он укоризненно добавил: – Крапленые карты видеть мне доводилось. Но чтобы были еще и крапленые спички – с таким сталкиваюсь впервые.

В этот момент зазвонил один из телефонов на столе Орлова, издавая требовательную трель. Подняв трубку и обронив меланхоличное «да?», генерал почти сразу же помрачнел, услышав своего собеседника. Тонкий, как комариный писк, голос, схваченный острым слухом Льва, с долей заносчивого бахвальства сообщил:

– ...Это генерал-полковник Топорицкий, с сегодняшнего дня я – новый начальник подразделения службы собственной безопасности министерства. Добрый день, Петр Николаевич!

– Добрый день, Вадим Евгеньевич... – сдержанно ответил Орлов, выражением лица давая операм понять, что этот звонок ему крайне неприятен.

– Как у вас успехи с раскрываемостью? Как дисциплина в стенах главка? – издали начал закидывать вопросы-«удочки» Топорицкий.

– Раскрываемость высокая, выше, чем в среднем по министерству, дисциплина стабильная. Работаем без срывов и сбоев... – сухо доложил Петр.

– Какие из текущих дел у вас на особом контроле? Кто ими занимается?

– Ну, собственно говоря, мы занимаемся только теми делами, которые и имеют особый статус. В частности, сейчас работаем по клинике «Асклепий-дельта», ряд специалистов которой был заподозрен в выполнении операций, попадающих под понятие «черная трансплантология». Занимается этим целая опергруппа, старший – майор Лимоненко. Они уже установили всю схему незаконного оборота органов, и произведены первые задержания. Наши ведущие специалисты Гуров и Крячко некоторое время назад закончили раскрытие особо опасного преступления – похищение человека, для чего выезжали на Алтай...

– Да, да, я уже в курсе, – с барственной одобрительностью откликнулся Топорицкий. – Чем они занимаются в данный момент?

– Ну, учитывая то, что они уже месяца три отработали, по сути, без законных выходных, а также то, что у нас с работой на сегодня образовалось некоторое затишье, я предоставил им отгулы в форме краткосрочного отпуска.

– Ну-у, это они заслужили, заслужили... – вальяжно изрек «особист». – Что еще?

– На особом контроле также расследование смерти банкира Штукаева, которым занимается подполковник Макаров.

– Ну-ка, ну-ка... – тут же оживился Топорицкий. – Что с этим делом? Какова основная версия? Есть ли подозреваемые?

Переглянувшись с Гуровым, во взгляде которого читалось: «Ну, я же говорил!», Петр все тем же суховатым, официозным тоном доложил, что расследование идет успешно, что основная версия – бытовая, а главный подозреваемый – бежавший на днях за границу бывший зам Штукаева. Реальной причиной конфликта могла стать женщина, за которой оба ухаживали. И когда дама отдала предпочтение Штукаеву, экс-зам «заказал» своего бывшего босса профессиональному киллеру, предположительно некоему «Фаусту». В настоящее время ведется его поиск. Уже есть некоторые следы, которые позволят в ближайшее время обнаружить Фауста и задержать его.

– Хм-м-м... Неплохо! Я бы даже сказал, на четыре с плюсом... – с непонятым облегчением в голосе резюмировал Топорицкий – судя по интонации, версия о «бытовухе» его устраивала больше всего. – Но я бы рекомендовал подполковнику Макарову ускорить этот процесс. Не надо заикливаться на третьестепенных мелочах. Ему следует сконцентрироваться на главном и привести расследование к логическому финалу. Мне сегодня уже звонили из думского комитета по законодательству и очень жестко ставили вопрос о сроках расследования. Убийство Штукаева – случай чрезвычайно резонансный, он в поле зрения первых лиц Думы и Совфеда. Поднажмите!

– Хорошо, будем иметь в виду... – пообещал Орлов и, положив трубку, с саркастичной улыбкой покрутил головой: – Ой, как стелет, ой, как стелет... Нет, ну надо же – из Госдумы ему звонят! Кому он мозги пудрить надумал? Да, Лева, ты был прав – этот случай с Андреем и в самом деле вызывает очень большие сомнения. Не удивлюсь, если эта афера преследует сразу две цели. Первая – найти козла отпущения взамен какого-то подонка-маньяка из тамошней «знати». Вторая – найти некий рычаг, чтобы на меня оказывать давление. Поэтому, мужики, если вы сумеете все это раскрутить, буду вам очень благодарен.

– Петро, мы были и остаемся друзьями. А друзей в беде не бросают. Ты лучше расскажи, что это за фрукт такой – Топорицкий? Он вообще откуда вынырнул? Фамилию такую уже как-то слышал, но что за тип, не знаю, – поинтересовался Крячко.

Досадливо махнув рукой, Орлов пояснил, что Топорицкий лет десять работал начальником областного УВД где-то за Уральским хребтом. «Отличился» тем, что задолбал своими бессмысленными реорганизациями все тамошние райотделы. Из-за него началась затяжная текучка кадров, сбои в работе, а кое-где и провалы. Но «Троцкий» (как прозвали Топорицкого за умение часами «лить воду» на трибуне и неоспоримые способности убалтывать выше-

стоящее начальство) сноровисто выдавал свои служебные поражения за победы, даже ухитрялся оказаться в числе лучших. Обзаведясь в министерстве друзьями из числа поклонников халявных развлечений в виде охоты, рыбалки, сауны (и кое-чего другого, к ней прилагаемого), он однажды стремительно переместился в столицу, где получил пост, связанный с материально-техническим обеспечением тех или иных подразделений МВД. Ну а когда в результате хитрой подковёрщины «ушли» на пенсию начальника министерских «особистов», он тут же перепрыгнул в освободившееся кресло.

– И что же теперь? Этот балабол будет контролировать нашу работу? – недоуменно хмыкнул Гуров.

– Думаю, здесь он не засидится... – На лице Орлова промелькнула пренебрежительная гримаса. – Это с периферии хорошо втирать очки и вешать лапшу. А тут – все на глазах. Тут его быстро раскусят. Впрочем, чую, дров он наломать успеет немало.

...Несколько часов спустя из Москвы в сторону Каширы по шоссе помчался серый «Пежо», в кабине которого сидели двое счастливых отпускников, запасшихся спиннингами, блеснами и воблерами. Впрочем, Гурова и Крячко можно было бы считать счастливыми лишь относительно. Это и понятно – о каком счастье могла идти речь, если предполагаемый отдых предстояло совмещать с весьма непростым расследованием? Где на все это набраться времени?! Хорошо, если его будет хватать хотя бы на сон.

Путь до места назначения, по прикидкам Льва, мог занять не более пяти часов, поэтому шел он по шоссе чуть больше сотни в час, вполне резонно полагая, что в любом случае они успеют «с козами на торг». Выехали приятели около одиннадцати, и с учетом летней поры времени у них было с избытком. Меньше чем через час пути, оставив справа от себя Подольск, по мосту, похожему на древнеримские акведуки, они пересекли Оку у Каширы, некогда деревни, переросшей в город. Глядя на ряды многоэтажек, Станислав с философичной грустью констатировал:

– Вот хороший пример того, как урбанистика пожирает сельский уклад. Похоже, скоро во всей Московской области не останется ни одной настоящей «деревенской» деревни. Везде и всюду будут эти железобетонные могильники. Блин, как мне это не нравится! Эти бывшие деревни настоящими городами так и не стали, но и деревней больше уже никогда не будут.

Слушая его, Гуров невольно рассмеялся. Покосившись в его сторону, Стас с долей сарказма сумрачно пробурчал:

– Считаешь, я не прав?

– Нет, почему же? То, что ты прав, вообще спору нет. Просто... Сравнил тебя сегодняшнего и того, каким ты был лет двадцать назад. Тогда ты был из пофигистов пофигистом, а сейчас, можно сказать, завзятый общественник, болеющий душой за ту же деревню. Так, глядишь, к пенсии станешь праведником, может, даже запишешься в монастырь почетным иноком.

– В монастырь? Пожалуй. Но только разве что в женский... – хохотнув, парировал Крячко. – Это мечта всей моей юности. Знаешь, Лева, почему мне больше нравятся расследования на периферии? Вот, например, как на Алтае? Там все настоящее – и люди, и природа... В больших же городах все искусственное, как пластмассовая матрешка. Кстати, а где мы сейчас?

– Приближаемся к городу Ступино, который известен как город гончаров. Там даже есть музей гончарного ремесла, проводится международный фестиваль гончаров... Так что, Стас, если вдруг возникнет нужда в экологичной посуде – смело дуй в Ступино. Купишь там и миску, и кувшин, и макитру...

– Макитру? Это клево! – цокнув языком, «восхитился» тот. – Я ж без такой посуды житья не мыслю. Уснуть не смогу, если хоть раз на макитру не гляну... Кстати, а что это такое?

– В них когда-то перетирали мак для пирогов, поэтому они так и называются. Во-от... А потом будет Дубаринск, город садов. Правда, там сегодня, насколько я знаю, с хорошими

яблоками напряженка. Потом – Купецк, город купцов и сталеваров. Кстати, основанный еще Петром I. Пушки ему были нужны, а тут – железная руда, плавильни...

– Лева, а откуда ты все это знаешь? – воскликнул Станислав. – Специально, поди, перед выездом полазил в Интернете, чтобы передо мной, понимаешь ли, блеснуть: вон какой я эрудированный!

– Само собой! – снисходительно усмехнулся Гуров. – А ты как хотел?! Надо же знать края, куда едешь. Я и перед отправкой на Алтай тоже изучил карту, почитал, что там и как... Кое-что успел прочесть и про Горбылево. В Википедии этот город описан как один из самых тихих райцентров, с сугубо патриархальным укладом, с неспешным ритмом жизни. Вот только надо иметь в виду, что в таких вот тихих райцентрах, как и в тихом омуте, не исключено засилье криминальных чертей.

...За несколько часов промчавшись около пятисот верст, Лев взял правее и, свернув с новенькой, цивильного вида трассы, покатыл по куда менее ровному и качественному асфальту одной из провинциальных дорог. Менее чем через полчаса пути опера увидели стелу, извещающую о том, что далее начинается Горбылевский район. Окидывая взглядом цветущие донские края, Стас мечтательно улыбался, узнавая в них что-то родное. Правда, его малая родина была значительно ниже по течению великой реки, но и здесь все было пронизано духом донской энергетики. Увидев у одной из станиц ипподром со старшеклассниками в казачьей форме, которые скакали на конях с шашками наголо, он восхищенно отметил:

– Ну, орлы! Загляденье! Эх, сейчас тоже проскакать бы на хорошем дончаке... Давно я уже не был в седле, ох, давно... Лева, а ты не хотел бы проехаться верхом?

– Был бы не против... – Гуров тоже с интересом посмотрел на казачат. – Вот как с нашей главной задачей справимся, так сразу же и двинемся на джигитовку. Правда, джигит-то из меня на сегодня аховый. Я уже и не помню, когда последний раз сидел верхом. В детстве, когда гостил у деда, ездил много. Бывало, так нагарцуешься, что назавтра ходить можно было только враскорячку!

По пути к Горбылеву они миновали несколько сел. Даже на первый взгляд было заметно, что в сравнении со станицей, у которой только что видели казачью молодежь на ипподроме, выглядели эти селения не слишком приглядно. Вероятнее всего, в той станице, как и раньше, жило и действовало крепкое сельхозпредприятие. А вот в прочих селах ничего этого уже не было. Поэтому и дома смотрелись обветшавшими, и заборы – покосившимися, а поросшие бурьяном пустыри – филиалом африканских джунглей.

Не слишком впечатлило путешественников и само Горбылево. Здесь тоже на всем сущем была заметна печать запущенности. Минут за пятнадцать объехав райцентр, опера решили подыскать себе место обитания на ближайшую неделю. Согласно адресу, взятому у Орлова, его родственница проживала на улице Жуковского, дом десять. Услышав название, Крячко не смог не поприкалываться:

– Кстати, а какого Жуковского? Ученого-авиационщика или поэта?

– Какая глубокая эрудиция! – одобрительно улыбнулся Лев. – Сейчас увидим, что это за улица. Если Николая Егоровича – значит, ученого. Если Василия Андреевича – значит, поэта...

– Ну, Лева... – Стас даже несколько скис. – Вот злыдень! Никогда не даст почувствовать себя интеллектуалом. Обязательно на мою карту положит свой крутяцкий козырь, чтобы показать: а я все равно эрудированнее.

Этот «спич» в очередной раз рассмешил Гурова, и он утешающе похлопал приятеля по плечу:

– Ой, Стас! Сколько ж в тебе до сих пор какого-то подросткового самолюбия! Или, говоря проще, в одном месте детство еще не переиграло.

Разыскав нужную улицу, которая, как оказалось, была названа в честь некоего Прокопия Жуковского, приятели быстро нашли и требуемый дом. Это был двухэтажный коттедж

на четыре семьи. Заметив у дома напротив молодую особу, которая выгуливала остроносую лайку с кренделем пушистого хвоста, Лев немедленно остановился. Крячко выглянул в окно пассажирской дверцы и с самой обаятельной из своих улыбок вежливо поинтересовался: а не сдаст ли кто-нибудь из проживающих здесь горбыльчан квартиры внаем? Аборигенка ответила ему столь же обаятельной улыбкой и приятным голосом сообщила, что в их городе существует риелторское агентство, где, в общем-то, имеется информация о съемном жилфонде самого разного качества. Сама же она не может сказать, кто на их улице в данный момент сдаст жилье, хотя кое-кто этим занимается.

– Ну, тогда не все потеряно! – открыв дверцу и выйдя из машины, просиял Станислав. – Да нам хотя бы приблизительные координаты какого-нибудь квартиросдатчика. Видите ли, мы предпочитаем снимать жилье напрямую у хозяев, а не через посредников. И не потому, что жлобы, готовые за копейку удавиться. Вовсе нет! Мы лучше переплатим хорошему человеку, чем будем обогащать каких-то деляг.

Все так же мило улыбаясь, его собеседница ненадолго задумалась и сообщила, что в двенадцатом доме, напротив которого они как раз и остановились, на первом этаже справа проживает тетя Вера Криниченко. У нее хорошая «трешка», но квартирантов пускает она очень неохотно. В прошлом году у нее жили двое студентов сельхозинститута, приехавшие на практику. Но они чего-то там напортачили, чем сильно огорчили тетю Веру, и она больше уже никого не пускала. В этом году уже дважды отказывала приезжим. Так что поинтересоваться, в принципе, можно, но каков будет результат – заранее не угадаешь.

– Спасибо! Огромное спасибо! – пламенно поблагодарил Крячко. – Кстати, а можно спросить, как вас зовут?

– А зачем это вам? – с кокетливым лукавством поинтересовалась девушка.

– Ну, как это – зачем?! – Станислав сделал большие глаза и набрал воздуха полную грудь. – Вот, допустим, как-нибудь зайду в ваш местный храм отмаливать свои грехи и надумаю за ваше здоровье поставить свечку святым угодникам. А за чье здоровье молиться – не знаю. Проблема возникает, однако!

– А-а-а... – негромко рассмеялась она. – Ну хорошо. Меня зовут Наталья Викторовна, я преподаю в художественной школе. А вас как?

– Станислав Васильевич. Можно просто Станислав или еще проще – Стас. Я из Москвы, работаю там инструктором по силовым единоборствам. А это мой друг и коллега, Лев Иванович. Ну что ж, Наташа, спасибо вам огромное, надеюсь, мы с вами еще увидимся! Ау, Лева! Идем к тете Вере?

– Идем, идем... – Выходя из кабины, Гуров укоризненно покачал головой и вполголоса добавил: – Вот натура! Чуть юбку увидел – все: из ушей – пар, копытом землю роет... Только не говори, что я не прав, что неправильно тебя понял.

– Ой, да ла-а-дно! – размашисто шагая к калитке, отмахнулся Станислав. – Лева, у меня давно уже есть совершенно обоснованное подозрение, что ты мне просто завидуешь, о чем я тебе говорил уже не раз. Да, да, да! Завидуешь. Ты же не робот, и твоя мужская натура наверняка исподволь требует женского разнообразия, а ты ей в этом грубо отказываешь. И поэтому, испытывая подсознательное раздражение, элементарно злишься. Вот и все! Я не прав?

– Да ты, я гляжу, еще и психолог! – иронично усмехнулся Гуров. – Прямо Зигмунд Фрейд номер два: целую теорию заканделябрил. Надо же! О, тихо! Закрываем тему, а то не хватало еще и при тете Вере сморозить какую-нибудь чепуху! – шепотом добавил он, заметив, как кто-то выходит из квартиры первого этажа на крыльцо.

Увидев появившуюся из дома бодрого вида бабулю лет под восемьдесят, опера вошли во двор, оглашаемый хриплым лаем крупного барбоса на длинной цепи, поздоровались и поинтересовались возможностью определиться на постой сроком примерно на неделю-две. Тетя Вера смерила их изу-чающим взглядом бывшей учительницы и строго осведомилась, откуда при-

были данные граждане и не склонны ли они к употреблению горячительного. Кроме того, не имеют ли они отсидок и приводов в правоохранительные органы. Услышав последнее, опера с трудом удержались, чтобы не рассмеяться, с наисерьезнейшим видом заверили хозяйку в том, что спиртного оба – ни-ни, в тюрьме не сидели, хулиганских наклонностей не имеют. Даже, наоборот, у себя дома состоят в добровольной народной дружине. Упоминание о ДНД произвело на тетю Веру самое благоприятное впечатление. Она пригласила гостей пройти в дом, чтобы они сами смогли определиться – устроят ли их имеющиеся апартаменты. Но приятели, как люди бывалые и совершенно неприхотливые, лишь взглянув на просторную, аккуратно прибранную комнату, тут же объявили, что о лучшем и не мечтают. Тут же договорились и о плате за постой с готовым столом.

Глава 2

Когда опера загнали во двор машину и занесли в свою комнату дорожные сумки, появившаяся на пороге хозяйка квартиры пригласила их пополничать. Уминая салат из свежих, только что сорванных с грядок огурчиков и помидорчиков, да еще и с настоящей деревенской сметаной, приятели выслушали кратенькую лекцию о возможных рисках и опасностях, какие могут подстеречь их на улицах Горбылева и в его окрестностях.

– ...Люди вы, я вижу, положительные, поэтому хочу предостеречь от наших здешних ветрогонов и башибузуков. А тут их хватает! – Тетя Вера внушительно помахала указательным пальцем. – Через три дома от меня живет Ромка Бубырь. Лоб здоровущий, но – дурак дураком. Чуть выпьет – все, начинает буянить. Так что, если его увидите, лучше обойдите пятой дорогой, а то может и поколотить. Еще есть двое оборотов – братья Синюхины. При встрече сразу начинают нудить, клянчить на выпивку. Гоните их от себя в три шеи. В том конце улицы – это вы еще увидите – домина здоровенный, двухэтажный. Там живет Костя Низанов. Поговаривают, что он какой-то тут мафией командует. Корчит из себя хозяина всего этого околотка. По улице на своей иномарке летает так, что только пыль столбом. В прошлом году двоих сбил, паразит, правда, не насмерть – переломами отделались, но с него все как с гуся вода. Его и полиция боится.

На вопрос квартирантов о местных маньяках тетя Вера, сочувственно вздыхая, рассказала про проживающего в соседнем доме Андрея Кубышного. По ее словам, его задержание всю улицу повергло в шок. Никто и подумать не мог бы, что этот жизнерадостный, открытый, веселый парень – насильник и убийца, на совести которого четыре женщины, погибшие в течение последнего года.

– ...Если по совести, то я до сих пор не могу в это поверить! Не могу! Он же вырос на моих глазах, у меня учился – я в школе вела математику. Не скажу, что он из паинек – и подраться мог, и в ноябре на спор переплывал Крякву... Было, было такое! Всего хватало. Но то, что он не из тех, кто может причинить людям какое-то зло, – за это могу головой поручиться.

Тетя Вера припомнила случай, приключившийся с другим ее бывшим учеником. Тот и в самом деле, пытаясь совершить насилие над несовершеннолетней, нанес ей тяжкое увечье. По словам бывшей учительницы, тот негодяй был из зажиточной, но очень нездоровой семьи.

– ...Жили Быкрюхины почти в центре Горбылева, домина у них большущий, машина дорогушая. Вечно строили из себя невесть каких цац, пыжились показать, какие они богатые и знатные. Хотя какая они знать?! Вороватая торгашня, сделавшая капиталы еще при Союзе на обсчетах, обвесах, пересортице... В восемьдесят восьмом открыли первый в Горбылеве частный магазин, потом еще два... И вот лет семь назад их младшенький Пашка, которого они взятками откупили от армии, сотворил такое подлое дело...

Как далее рассказала хозяйка квартиры, тот, привыкнув мотаться с непотребными девицами, думал, что эта ничем от них не отличается, и, встретив ее в безлюдном месте, попытался взять девушку силой. Но она стала отбиваться, как могла, и тогда Быкрюхин зверски ее избил, повредив позвоночник. С той поры девушка может перемещаться только на инвалидной коляске. Ее родители отнесли заявление в полицию, но там от него отмахнулись. Дескать, это она сама во всем виновата: упала, а возводит напраслину на невинного – где свидетели? По всеобщему мнению, скорее всего, Быкрюхины «кому надо» сунули денег... Отец девочки поехал жаловаться в область, а потом в Москву, лишь после этого дело дошло-таки до суда. Но суд назначил подонку всего три года, да к тому же условно.

– Фантастические порядки! Нечего сказать – «тихий райцентр»! – возмутился Станислав. – Выходит, на данный момент этот урод уже отбыл условный срок?

– Да нет, не успел отбыть до конца, – махнула рукой тетя Вера. – Это людей с нечистой совестью можно подкупить, а судьбу не подкупишь...

По ее словам, всего через год Ленка разбился на своей иномарке. Врачи определили, что был он под наркотой, а гнал куда-то как полоумный. Его родители в городке не остались, продали дом и куда-то уехали. Но, как видно, коль уж эта семья была нездоровой, с черной душой, то и дом оказался пропитанным чернотой: новый хозяин и полгода не прожил, отчего-то начал чахнуть. Проверился – рак легкого! Тут же перепродали дом почти за бесценок кому-то еще. Те вселились, позвали батюшку, он дом освятил. Да, наверное, от того зла, что там накопилось, и святая вода не помогла. Как-то ветром во дворе оборвало провод и чуть не убило током ребенка. Хорошо, «Скорая» успела вовремя. Больше этот дом уже никто не покупал. Уже года четыре на нем объявление, что он продается, да только охотников купить так и не нашлось.

Возвращаясь к случившемуся с Кубышным, тетя Вера рассказала, что задержали Андрея по пути с работы домой, якобы в момент нападения на женщину. А потом дома у Кубышных был проведен обыск, причем с демонстративной помпой. Елену это так потрясло, что ее увезли в больницу с тяжелым сердечным приступом. Местные длинные языки почти сразу же «проесветили» медиков по части того, в чем подозревается сын Елены. Из-за этого врачи первые часы вообще не обращали на нее никакого внимания (ну как же, она – мать насильника и убийцы!). И лишь благодаря тому, что близкая подруга Елены, узнав о происшедшем, устроила тарарам в кабинете главврача, лечить ее все же начали. Эта же подруга три раза в день теперь бегают, ухаживает за больной, она же нашла для Андрея толкового адвоката.

– ...Только, боюсь, адвокат ему мало чем поможет... – задумчиво покачала головой тетя Вера. – У нас тут частенько бывает так, что, если кого назначили виновным, ему уже ни за что не оправдаться. Рассказывают, что в подвале у них в райотделе есть что-то вроде пыточной. Командует там Яшка Цуракин по прозвищу Гунявый. По натуре это – конченный зверь. Если кого-то надо заставить сознаться, то отдают ему. Бьет он страшно. Иному из арестованных только скажут про Гунявого, так он сразу все подписывает и со всем соглашается. И если добьет он Андрея и тот подпишет признание, то на суде отпираться будет бесполезно. Тут все заодно...

Покончив с полдником, приятели пошли прогуляться по городу и его окрестностям. Прежде всего, разумеется, они пожелали увидеть Крякву. Захватив с собой зачехленные складные спиннинги, опера зашагали по улице в сторону высоких верб, растущих по берегу речки. Когда они уходили, тетя Вера дополнительно уведомила их о том, что на Крякве тоже надо быть весьма осмотрительным. По ее словам, в полукилометре от участка берега, используемого местным населением как городской пляж, есть особая территория – зона отдыха для «избранных». Туда ездят отдыхать горбылевские коммерсанты, чиновники, работники полиции и прокуратуры. Эта территория находится в фактической собственности бывшего председателя районного суда и охраняется здешним ЧОПом. Кстати, принадлежащим тому же экс-судье.

По словам тети Веры, приятелям особенно следовало остерегаться ярко-красной «Хонды» Гунявого. Тот частенько ездил на Крякву «оттянуться» с очередной любовницей. И если кто-то из посторонних оказывался у него на пути, он мог и «фонарей навешать», особенно по пьяни. Да и вообще, у посетителей «элитарной» базы отдыха имелась такая «фишка» – подвыпив, идти на общий пляж, чтобы «быдляку ума вставить».

– Этот Гунявый – он маленького роста, рыжий, с большими усами? – уточнил Стас. – Когда мы сюда ехали, то нам по пути попался похожий тип на красной «Хонде».

Тетя Вера, отрицательно качнув головой, пояснила, что «масть» Гунявого теперь уже и не определить. Его лысая голова давно уже напоминает арбуз, только что без полосок. Роста он выше среднего, жилист, во рту половина зубов золотые, нос свернут набок – когда-то один из истязаемых им бедолаг, владея карате, ударом ноги вдребезги разнес «защитнику закона» его орган обоняния.

Лев понял, что замыслил его старый приятель, поэтому, как только они вышли за калитку, упреждающе уведомил:

– Если что-то «суперменское» задумал, то сначала со мной посоветуйся! Я ведь сразу уловил, что ты специально начал выяснять приметы Гунявого, чтобы при случае с ним разделаться. Так ведь? Смотри, горячка тут недопустима. Случись какой-нибудь прокол, нам это здорово осложнит работу.

– А Петруха нам спасибо скажет, если мы допустим, что какая-то гнида искалечит или вообще убьет его племянника, который, очень даже вероятно, ни в чем не виноват? – возразил Стас, помрачнев как туча.

– Согласен, допустить этого никак нельзя. Но не с кондачка же очертя голову кидаться в атаку! Сначала надо все как следует обдумать, а уже потом действовать. Давай-ка созвонимся с Петром, что он скажет... – Гуров достал телефон, набрал номер Орлова, однако тот оказался занят. – Будем ждать!

Впрочем, менее чем через минуту Петр позвонил сам.

– Вы уже на месте? Молодцы! Небось гнали как угорелые?

– Сто – сто десять... – флегматично ответил Лев. – Слушай, Петро, тут такой скверный момент выяснился... Наш местный источник информации сообщил, что виновность Кубышного под большим вопросом, но в местном РОВД есть «народные умельцы», которые «ударными» методами любого способны убедить в том, что именно он совершил то, чего не совершал. Почки и печень отбивают гарантированно, превращая подозреваемого в полного инвалида.

– ...Твою кочерыжку! – выдохнул Орлов, предварив упоминание о кочерыжке совершенно непечатным идиоматическим словосочетанием. – А мне только что опять звонил Тополицкий, спрашивал: а в курсе ли я, что мой племянник обвиняется в нескольких изнасилованиях и убийствах женщин? И уж с таким смакованием все это втюхивал! Да, Лева, лишний раз убеждаюсь, насколько ты был прав: похоже, кое-кто решил меня дожать. Та-а-ак... Андрея, значит, зверски бьют... Что же делать-то? Вот заморочка чертова! Если как-то обозначить ваше там присутствие – не исключено, что и Андрею не получится помочь, и мне придется слететь. А еще вся тамошняя мразь в момент попрячет концы. И как тут быть – хрен его знает...

Поскольку в голосе Петра зазвучали нотки безнадёги, Гуров сочувственно заверил:

– Ничего, поможем! «Хрен его знает» – это в рамках некоторых формальных положений. Но есть же и другие варианты! Слушай, тут у Стаса появилась одна нестандартная идея... Короче, надо выследить некоего Гунявого и аккуратно отправить его на пару недель в травматологию. Надо думать, после этого едва ли кто-то другой рискнет махать в КПЗ кулаками. Что скажешь?

Около минуты в телефоне слышалось лишь напряженное дыхание генерала.

– А вы... Вы сможете сработать так чисто, чтобы... Ну, сам понимаешь? – наконец выдал он через силу.

– Ну, ты же нас знаешь! – коротко рассмеялся Лев. – Работаем – чище не бывает. Хорошо! Индугенция, считай, получена, начинаем изучать ситуацию.

Когда он закончил разговор, Крячко многозначительно ухмыльнулся и, хитро подмигнув, вкрадчиво поинтересовался:

– Что, «таможня дает добро»? Можем выходить на охоту? Ну, тогда за дело! Куда рулим сейчас?

– Для начала двинемся в сторону общего пляжа. Там осмотримся хорошенько, а потом попробуем пошарить около жлобской зоны отдыха. Конечно, я не думаю, что нам с ходу свалится прямо в руки то, что мы ищем...

– Но и надежды на это терять не следует! – тут же парировал Станислав.

Выйдя за пределы городка, приятели по исхоженной и накатанной грунтовой дороге зашагали через куртины кленов и верб в сторону обширного осинника, разросшегося в речной пойме. Попавшаяся им навстречу компания подростков с интересом воззрилась на незнакомцев. Долговязый лопухий паренек, вежливо поздоровавшись, спросил:

– А у вас не будет закурить?

– Мы уже бросили. А вы еще только начинаете? – смеясь, ответил Гуров. – Вы нам лучше скажите, ребята, у вас в Крякве кроме лягушек еще хоть что-нибудь водится? Ну, щука, там, судак, голавль?

– Да у нас в Крякве рыбы больше, чем в самом Дону! – со значением в голосе уведомил лопухий. – Тут есть такие омуты, что и сомы пудовые водятся. А вы как собираетесь ловить? На живца?

– На блесну, на воблер, – пояснил Станислав. – Вот прямо сейчас и попробуем, как у вас тут клюет.

– А нам можно посмотреть? – загорелся лопухий.

– При одном условии: не бегать по берегу, не шуметь, не буянить... Хорошо? – Крячко окинул мальчишек строгим взглядом.

– Да мы не буяним. Там и без нас есть кому буянить... – под смех приятелей посетовал лопухий, назвавшийся Женькой. Как оказалось, их компанию только что прогнал с речки Ромка Бубырь, о котором операм уже рассказывала тетя Вера. – Мы там костер жгли, картошку пекли, и тут – откуда ни возьмись, приперся этот долбанутый Бубырь. Ну, и давай на нас наезжать, типа того, вы – салабоны, пороху не нюхали, я вас жизни научу... Мы сразу же ушли – чего с дураком связываться? Так что если он сейчас там, то даже не знаю, даст ли он вам порыбачить? Он же когда подпитой, то совсем без «башни»...

– А он что, реально крутой, этот Бубырь? – Гуров окинул взглядом заросли, в гущу которых уводила дорога.

– Ну да-а-а! – заговорил еще один из мальчишек. – Он два года в боях без правил участвовал. Но его оттуда за что-то выгнали. Ну, он сюда вернулся и начал тут права качать. То одного поколотит, то другого. Его многие боятся.

– Смотрите! Вон он! – неожиданно воскликнул Женька, указывая рукой куда-то вправо.

Обернувшись в ту сторону, опера увидели шагающего в их сторону квадратного парнягу с недоброй ухмылочкой. На его явно хмельной физиономии прямо-таки было написано: «Ну, ща я вам устрою!» Мальчишки тут же попятились назад, судя по всему, собираясь дать деру. Женька, дернув Гурова за рукав, торопливо предупредил:

– Давайте сваливать! А то хреново будет!

Изобразив недоумение, Станислав спросил с преувеличенной наивностью в голосе:

– А кому? Нам или ему?

Сразу же уловив иронию в голосе этого крепкого дядьки, мальчишка почесал свой нос, усыпанный веснушками, и, пожав плечами, осторожно поинтересовался:

– А вы с ним сладите? У него пояс по тхэквондо.

Усмехнувшись в ответ, Крячко протянул Льву свой спиннинг и «великосветским» тоном поинтересовался:

– Лев Иванович, не соблаговолите ли поддержать некоторое время эту снасть?

– Слушай, а может, я? – мотнул головой в сторону Бубыря Гуров.

– Только после меня, Лев Иванович, только после меня! – отмахнулся Стас и с безмятежной улыбкой решительно шагнул навстречу верзиле, который подошел к ним уже вплотную. – Ну, и чего тебе, грозный ты наш? Слушаю!

– Кто такие? Что за огрызки, откуда взялись? – набычившись, угрожающе прорычал тот.

– А твое какое дело? – Стас продолжал все так же безмятежно улыбаться.

– Че-е-го-о-о-о?! – выпучив глаза, угрожающе выдохнул Бубырь и тут же, выполнив руками ложный финт, нанес резкий, стремительный удар ногой, который ушел в пустоту, из-за чего он сам едва устоял на ногах.

Без особого труда уклонившись от удара, Крячко почти по-дружески поинтересовался:

– Как там? Все в порядке? Еще подергаться хочется или уже хватит?

Уловив в этих словах откровенную издевку, Бубырь ринулся на этого непонятного незнакомца, намереваясь захватить его руку и, нанеся удар коленом в правый подвздох, добить серией ударов в голову. Но из всего намеченного ему удалось лишь захватить руку. Однако в тот же миг его собственная рука оказалась в очень жестком захвате, к тому же настолько болезненным, что у Бубыря даже перехватило дыхание. А в следующую секунду она была заломлена за спину, причем столь резко и высоко, что стало яснее ясного: еще мгновение, и захрустевшие связки плечевого сустава порвутся, как гнилой шпагат.

Вскрикнув, Бубырь упал на колени и уткнулся теменем в землю. Отчаянно стуча свободной рукой по земле, он еле смог выдать:

– Все! Все! Все!..

Незнакомец в потертой кожаной ветровке тут же ослабил захват, отпустил его онемевшую от боли руку, даже помог подняться на ноги и совершенно доброжелательно поинтересовался:

– До дому-то сам дойдешь?

– Дойду... – не поднимая головы, прохрипел Бубырь и медленно зашкандылял в сторону города.

Когда опера и их юные сопровождающие продолжили свой путь к Крякве, на жгучее намерение мальчишек немедленно разнести весть о том, как был повержен Бубырь, Крячко вынес свой «вердикт»:

– А стоит ли? Например, я не считаю результат этой схватки для себя чем-то особо выдающимся. Нам с Львом Ивановичем встречались соперники и покрепче. Мужчина – это прежде всего воин. А воин отличается чем? Скромностью и силой характера. И если кто-то, победив более слабого соперника, бежит и кудахчет о своей победе, то это первый шаг к тому, чтобы очень скоро проиграть кому-то другому. Проиграть – это не всегда позор. Позор – это когда проиграешь, нахвалившись перед схваткой. Так что про Бубыря давайте забудем. Он все-таки несчастный человек. Семьи у него нет?

– Да кто за дурака такого пойдет? – снисходительно усмехнулся Женька.

– Вот! Работы постоянной, скорее всего, нет. Да и друзей настоящих наверняка тоже нет. Он и так уже наказан самим собой, своим скверным воспитанием и дурацким характером. Разве не так?

Мальчишки тут же согласились с тем, что «дядя Слава», безусловно, прав.

Выйдя на пологий берег Кряквы, которая в этом месте выгибалась широкой дугой, образуя просторный, чистый плес, приятели приготовили свои спиннинги и, спеша воспользоваться последним светлым часом перед приближающимся закатом, начали кидать блесны и воблеры в сторону противоположного берега, вдоль которого поросла густая щетка камыша.

Первые несколько забросов оказались совершенно пустыми. Но уже на четвертом или пятом что-то внезапно дернуло блесну Станислава. Однако рыба, как это называют рыболовы, тут же «сошла». И почти сразу же, едва не вырвав спиннинг из рук Льва, что-то увесистое и сильное схватилось за его воблер. Леска натянулась, словно струна, попискивая и позванивая, и меньше чем через минуту он вытащил на берег крупную щуку.

– Ух ты! – удивился Станислав. – На три кило с лишним взял. Наверное, это моя к тебе перебежала!

Впрочем, пару минут спустя он и сам поймал достаточно крупную рыбку. И – пошло! Когда в сумке трепыхались с десяток щук и более чем полуметровый судак, впавшие в азарт зрители стали канючить, чтобы и им дали «малюсенький разочек» закинуть блесну. Пришлось

мальцам объяснять элементарные азы того, как пользоваться спиннингом. «Мастер-класс» затянулся почти до заката. Покидая берег Кряквы, опера раздали почти весь свой улов зрителям, оставив себе пару рыбин.

Когда они были уже на полпути к улице Жуковского, где-то в отдалении, вздымая пыль, пролетела ярко-красная «Хонда». Пока Гуров прикидывал, какой бы повод найти, чтобы спросить у пацанов, чья это машина, Женька вполголоса сообщил:

– Вон, поехал урод, каких поискать! Этот еще похуже Бубыря. С Бубырем-то хоть можно «помахаться». А этот гестап долбаный – из ментовки. Его у нас Гунявым кличут. Такая сволочь!..

– И что же он такого нехорошего сделал? – поинтересовался Лев, как бы впервые услышав о Гунявом.

– Он в подвале командует и всем, кто туда попадает, отбивает потроха. Даже баб не жалеет. Нашему соседу почки напрочь отбил. Дядь Шура вечером шел от сына с крестин податый – у него внучка родилась. Тут менты навстречу. Он чего-то с ними повздорил. Они его в подвал отволокли, а там – Гунявый. Он его дня два месил. Мужик полмесяца после этого кровью писал. И до сих пор с почками мается. Подавал на ментов в суд, да сам же и виноват оказался. У нас к ментам не дай бог попасть!

– И куда же это он покати́л на ночь глядя? – осведомился Станислав.

– На блатяцкую зону отдыха – куда еще? Ща начнут шашлыки жарить, с телками куролесить... – со взрослыми интонациями в голосе пояснил Женька. – Там вся наша районная верхушка «гудит». Не блатным туда дорога закрыта. Если сунешься – охранники могут и зубы пересчитать. Как-то из области одна журналистка попробовала туда пробраться, чтобы статью накатать, – видно, кто-то в газету жалобу послал. Так ее эти гоблины поймали и чуть «на хор» не поставили. Еле вырвалась и – бежать. И ничего – все замяли! А чего не замнут-то?! Сюда шишки и из области на шашлыки ездят.

– Да-а... Весело у вас тут, – с оттенком сарказма резюмировал Гуров.

Попрощавшись со своими новыми знакомыми и пообещав им в ближайшее время очередной поход на рыбалку, опера пошли к себе на квартиру. Отдав рыбу тете Вере, приятели устроились перед телевизором, скукаясь глядя на экран, где шла какая-то то ли комедия, то ли трагедия, но они даже не вдумывались в смысл происходящего там, каждый ощущал, как у него «горят пятки», каждый думал о предстоящей прогулке до «жлобской» базы отдыха и о том, как бы там найти Гунявого...

В какой-то момент, хлопнув себя по карманам, Станислав неожиданно объявил:

– Эх, блин! Я ж свой сотовый потерял!

Мгновенно сообразив, что это не более чем «работа на публику», Гуров сочувственно посетовал:

– Как же это ты так неосторожно! Теперь надо идти искать.

– Точно! – Крячко вскочил на ноги. – Пойдем посмотрим на берегу, а то до утра может испариться.

Узнав о пропаже телефона и намерении квартирантов идти на его поиски, тетя Вера заахала, засокрушалась – чай, на улице-то уже ночь – и, пошарив в шкафу, достала из него фонарик:

– Вот, возьмите! Не на ощупь же будете искать...

Снова выйдя за город, приятели ускоренным шагом поспешили к общему пляжу. Затем, круто свернув влево, подсвечивая себе фонариком, двинулись параллельно берегу вниз по течению реки. Так им пришлось идти около двух километров. Продираясь через густую чащобу подроста тополя и клена, неожиданно перед собой опера увидели плотное, в три ряда, ограждение из колючей проволоки выше человеческого роста, которое, судя по всему, тянулось от берега до самой дороги.

– Твою дивизию! – осматривая «колючку», сердито проворчал Крячко. – И перекусить-то ее нечем. И не перелезть через нее. А может, пойдем к воротам, вырубим охранников и...

– Ага! Чтобы засветиться во всей своей красе?! – иронично возразил Гуров, осматриваясь по сторонам. – Мне кажется, лучше бы дойти до речки и по ней вплавь добраться до берега за ограждением. О! Глянь-ка, что там есть! – удивленно отметил он, посветив фонариком вверх.

Там действительно обнаружилось нечто весьма занятное: между старым осокорем, растущим по эту сторону ограждения, и березой, растущей по ту сторону, кто-то проложил длинную толстую жердь, по которой без проблем можно было перебраться над колючей проволокой. Передав Стасу фонарик, Гуров надел тонкие кожаные перчатки, подпрыгнул и, схватившись за толстый сук, без особого усилия подтянулся на нем, после чего схватился за другой сук, дотянулся до третьего и вскоре был уже на дереве, в гуще кроны. Тем же путем к нему поднялся и Стас. Повиснув на жерди с поджатыми к животу ногами, менее чем за минуту опера поочередно добрались до ствола березы и, спустившись на землю, продолжили свой путь в том же направлении, продираясь через чащобу колючего кустарника. Когда выбрались из зарослей, Гуров посветил под ноги и, подобрав пустую пластиковую бутылку из-под минеральной воды, насадил ее на ветку ближнего клена.

– Назад будем идти – это ориентир, чтобы не сбиться с дороги, – вполголоса сообщил он. – Слышишь, там какие-то голоса, музыка? Думаю, это они. Побежали!

Вскоре впереди меж деревьев замечались отсветы большого костра. Подобравшись поближе, опера для начала хорошенько изучили обстановку. Метрах в тридцати от себя за деревьями они увидели несколько теремов-коттеджей, в светящихся окнах которых мелькали чьи-то тени. А совсем неподалеку от них на просторной поляне шло развеселое хмельное гулябище. Насколько это можно было определить при свете большого костра, здесь гуляла компания из шести человек – трое мужчин и столько же женщин. Скорее всего, кутили сотрудники местного ОВД с девицами из категории так называемых «особ с пониженной планкой социальной ответственности». Перемежая возлияния спиртного плясками у костра под разухабистый рок и трепом на самые разные темы, гуляки «оттягивались» вовсю.

Один из них, с голым черепом и орангутаньей осанкой, гундосо заливался соловьем, повествуя про свои былые и нынешние «подвиги».

– ...Не, ну куда ему упираться, если за него взялся Я?! – Стукнув себя в грудь кулаком, «орангутанг» опрокинул очередной стакан какого-то пойла и продолжил: – Он из себя надумал корчить партизана на допросе. Молчит, в натуре! А я ему – по почкам, по почкам! Гляжу – вырубился. Окатила его водой, он зашевелился. Поднимаю, и под дых ему, под дых...

– Яша, а про кого это ты? – наполняя стаканы и глуповато хихикая, спросила одна из «телок».

– Ну, про того лошару, которому надо подписаться, что это он четверых баб оприходовал и кончил... – пояснил «орангутанг».

– О! Сто против одного, что это – Гунявый! – прошептал Стас.

– Да, это он! – согласился Гуров.

– А кто ж на самом-то деле тех девок прикончил? – шумно причмокнув после фужера спиртного, спросила другая деваха.

– Цыпочка моя, не забывай золотого правила: меньше знаешь – крепче спишь. Поняла? – громко икнув, гоготнул Цурякин. – Ща я кое-куды схожу, а потом мы с тобой пойдем в мои апартаменты. Там я удовлетворю твоё любопытство, а ты – удовлетворишь меня!

Продолжая гоготать над своим «остроумием», он направился к темнеющему за кустами большому прямоугольнику отхожего сооружения. Но войти внутрь не успел – словно вынырнув из ниоткуда, к нему бесшумными тенями подскочили две рослые фигуры. Что было дальше,

Гунявый уже не чувствовал – несколько сокрушительных ударов по голове и болевым точкам тела опрокинули его в черное небытие.

Оттащив недвижимого Цурякина подальше в кусты, опера поспешили назад. Высветив фонариком бутылку, насаженную на ветку, Лев отбросил ее в сторону, и они по своим следам углубились в заросли. Перебраться в обратном направлении особого труда не составило, и, бегом преодолев путь до общего пляжа, приятели свернули в сторону светящихся окон улицы Жуковского.

Глава 3

Шагая по дороге, Крячко негромко рассмеялся.

– Да, Лева! Ну, ты и ухерачил этого долбодятла по «кастрюле»! Я думал, она с плеч слетит...

– Он получил только самое малое из того, что давно уже заслужил. – Гуров пренебрежительно поморщился. – Ты гляди-ка, уже и «Скорая» помчалась... О, как резво поскакали! Простым горожанам, думаю, ждать их приходится куда дольше. Так, так, та-ак... Значит, как явствует из трепа Гунявого, Андрей Кубышный и в самом деле ни при чем? То есть насильник и убийца – кто-то другой? Ну что ж, давай порадуем нашего Петруху. Пусть не терзается и забудет про рапорт об увольнении.

Он достал телефон, набрал номер Орлова и деловито сообщил генералу, что палач и садист только что нейтрализован ими на неопределенный срок. Все сделано предельно чисто, без следов и свидетелей. Кроме того, пересказал и разговор Гунявого с его «телкой».

– ...Таким образом, – заключил Лев, – уже на сто процентов можно быть уверенным в том, что Андрей ни в чем не виноват.

Облегченно вздохнув, Орлов высказался в том духе, что это, конечно, очень хорошо, раз Андрей оказался чист, но тогда встает вопрос: как вырвать его из лап горбылевской «фемиды», сколь безжалостной, столь же и коррумпированной? Ведь не пойдешь же в местную прокуратуру и не сошлешься на то, что удалось узнать из разговора садиста Гунявого с проституткой?!

– Ну, у меня есть один вариант... – как бы в раздумье обронил Гуров. – Но он тоже где-то за гранью УК, как и наша сегодняшняя нейтрализация этого долбаного садюги.

– И-и... Что же это за вариант? – осторожно спросил Петр.

– Спровоцировать кого-то из местных шишек на вымогательство взятки, это все зафиксировать на видео, а потом его прижать и выдвинуть условие: или отпустите парня, или материал «сошьем» в Интернет. Каких-то иных вариантов я пока что не вижу. В здешнем болоте работать в белых перчатках никак не получится.

– Хм-м-м... – с глубочайшим сомнением в голосе произнес Орлов. – Ну, смотри, тебе видней. Только уж, пожалуйста, без крайностей, чтобы потом самим не оказаться на зубах наших «правдолюбов» с криминальным душком.

По словам Петра, как явствует из материалов, уже наработанных Макаровым, за банкиром Штукаевым затаился такой гадючник, что всех столичных СИЗО не хватит, чтобы туда пересажать его клиентуру. В реальности вырисовывается, что Штукаев на самом деле был главным «диспетчером» по перемещению криминальных капиталов за рубеж. Его услугами пользовался и организованный криминал, и наши вороватые чинуши. Но он с какого-то момента вдруг начал «заедаться» – потребовал повышения процента за свои услуги. Разумеется, это мало кому могло понравиться, и поэтому один из криминальных авторитетов, Джума Тбилисский, специализировавшийся на наркоторговле, грохнул его руками своего киллера.

Но, как видно, избытком ума этот Джума никак не обладал, поскольку поплатился за свой демарш буквально через несколько дней. Получилось так, что другие дельцы, кто согласен был платить и повышенный процент, вдруг обнаружили, что второго-то Штукаева – поди поищи! Те банковские деляги, что соглашались на вывод сомнительных денег за рубеж, потребовали впятеро больше, чем хотел взять Штукаев. Криминальный мир был настолько разгневан идиотской (к тому же самовольной!) выходкой Джумы, что его самого приговорили к смерти. Через пару дней после убийства Штукаева киллер грохнул Джуму. Но брат Джумы, тоже из бандитов бандит, объявил его убийцам вендетту. И – пошло-поехало. На данный момент в центральном морге судмедэкспертизы лежат уже пять трупов.

– ...И все причастные к делишкам Штукаева прекрасно знают, что Макаров копает и будет копать, пока я здесь. Так что, Лева, мне кажется, Андрея просто так не отпустят. Это их единственный шанс взять меня за горло. И они постараются использовать его по полной. Что планируете на завтра?

– Сбор информации, расширение своих контактов, поиск дельных информаторов. Ну а конкретно – думаю встретиться с адвокатом Андрея.

– Действуйте! Только не забывайте: осторожность – превыше всего.

– Добро! Будем блюсти себя, как монашки на дискотеке, – смеясь, ответил Гуров.

Когда он убрал свой телефон, Стас, слышавший их разговор, язвительно хохотнул:

– Надо же, что творится – опять в моргах аншлаг! Будто вернулись в «лихие девяностые». Криминальные пауки опять начали жрать друг друга?

– Да, похоже на то... – утвердительно кивнул Лев. – Кстати, мы с тобой «искали телефон» около двух часов. Если будут вопросы, то мы нашли его под обгорелой вербой, рядом с которой рыбачили.

– Ну конечно! Причем когда уже считали, что поиски закончились впустую.

Когда они подошли к дому, хозяйка квартиры стояла на крыльце, всматриваясь в темноту. Увидев своих квартирантов, она всплеснула руками и воскликнула:

– Господи! А я уж волноваться начала: куда они делись? Неужели купаться ночью надумали?! Вы что, все это время искали телефон?

– Да, вот именно... – Крячко досадливо вздохнул, разводя руками. – Аккумулятор вовремя не зарядил, и – все, не позвонишь, чтобы по звонку его найти... А лежал-то он невдалеке от того места, где мы рыбачили, у обгорелой вербы.

– Ладно, идемте ужинать. Я рыбы приготовила – шука под майонезом...

За ужином снова зашел разговор про Андрея Кубышного. Тетя Вера сообщила, что сегодня ближе к вечеру Елену Кубышную выписали. Она уже дома, но на улицу не выходит. Как Елена рассказала соседям, ей с той поры, как задержали Андрея, а она попала в больницу, стали приходить угрожающие звонки и эсэмэски, из-за чего она отключила свой телефон. Не чувствует она себя в безопасности и дома.

– Ну а кто ей может угрожать? Родственники тех женщин, смерть которых приписывают Андрею? – уточнил Гуров.

– Даже не знаю... – с сомнением в голосе ответила хозяйка квартиры. – У нас тут вроде моды не водится, чтобы сводить счеты с родственниками того, кто в чем-то может быть и виноват. Вообще, вся эта история похожа на бред полоумного. Есть в ней что-то очень нездоровое, надуманное, словно мы смотрим какой-то дурацкий спектакль...

На некоторое время за столом повисла тишина. Налив себе чаю, Гуров задумчиво произнес:

– Но тогда выходит, что сегодня ночью кто-то может попытаться напасть на Кубышную?

– У тебя есть какие-то идеи? – заинтересовался Стас.

– Ну, мы же с тобой члены московской ДНД, и нам, как дружинникам, не безразлично то, что от рук какой-то мрази может пострадать ни в чем не повинный человек? Верно? Что, если нам сегодня ночью присмотреть за десятым домом? А?

Крячко, успевший набить рот жареной шучатиной, едва не поперхнулся от услышанного. Но, взяв себя в руки, согласно кивнул:

– Ну, давай, по очереди подежурим... Почему бы нет? С какого момента начинаем? И в каком порядке?

– В два приема. Ты – с вечера до двух, я – с двух до шести. Тебе даже меньше выпадает. Идет?

– Идет... – Крячко с хрустом потянулся. – О, время-то уже к одиннадцати! Так что мне надо бежать. Ага... Мой телефон зарядился, будем на связи!

Сразу после ужина Гуров немедленно отправился спать, чтобы потом, во время дежурства, не клевать носом. Тетя Вера, убирая со стола, лишь удивленно покачала головой – надо же, какие бывают беспокойные люди! Ради незнакомого человека готовы не спать почти всю ночь... А Лев, включив на телефоне будильник, тут же растворился в бескрайнем мире снов, лишь коснувшись головой подушки. Еще бы! Этот день выдался невероятно загруженным и напряженным...

Когда запиликал сигнал будильника, он уже не спал, успев проснуться за пару минут до этого. Поднявшись с постели, умылся прохладной водой из крана на кухне и, быстренько выпив уже чуть теплого чая, на цыпочках вышел из дому, бросив вопросительно гавкнувшему Тарзану предупредительно захваченный на кухне ломоть хлеба.

Выйдя на улицу, Лев сразу увидел Стаса, который сидел в тени дикого каштана на лавочке, отмахиваясь от наглежащего комарья. При появлении долгожданной смены Крячко тут же поднялся на ноги и скороговоркой сообщил, что «в Багдаде все спокойно». Кроме того, не без горделивости поведал о том, что около полуночи его пыталась «снять» некая молодайка, одиноко шествовавшая по улице, но он явил невероятную для себя стойкость и отверг все нескромные притязания незнакомки.

– Страна тебя не забудет! – насмешливо проговорил Гуров, похлопав его по плечу. – Награда найдет своего героя! Ладно уж, стойкий ты наш, иди дрыхни. Но телефон не отключай – вдруг понадобишься?

– Да я и не собирался отключать! С чего ты это взял? Ну, все, корми этот долбаный вампирятник вместо меня!

– Фигушки им! Пусть попостятся, – усмехнулся Лев, доставая из кармана баллончик аэрозольного репеллента.

– О, блин! А я что-то про него и позабыл!.. – раздосадованно цокнул языком Стас и скрылся во дворе.

Сидя на лавочке, Лев слушал монотонный, чуть печальный шум листвы. Несмотря на более чем поздний час, жизнь в городке продолжалась. Откуда-то доносились голоса молодежных компаний, приглушенные звуки музыки, шум автомобилей и даже сопровождаемый ржанием топот копыт пробежавшей где-то в отдалении лошади.

Медленно тянулись минуты, неспешно плыл серп молодого месяца в небесной вышине. Ночь выдалась ясной, и поэтому на черном бархате неба были хорошо видны россыпи звезд. Еще со школьной поры Гуров неплохо помнил астрономию, которую изучал в десятом классе. Были же времена... Школьники семидесятых-восьмидесятых разбирались даже в астрономии! А сегодня? С этой ЕГЭшной идиотчиной иные «грамотеи» толком даже не знают, что и вокруг чего вращается – Земля вокруг Солнца, или Солнце вокруг Земли?..

Вглядываясь в россыпь звезд, Лев очень быстро нашел Полярную звезду, потом – Сириус, Орион, Вегу... Нашел и три еле приметные звездочки, медленно ползущие в разных направлениях, – спутники... Как же великолепен и прекрасен этот мир! И почему же многие люди этого не замечают, почему в них столько зла и почему они так часто причиняют друг другу боль? Может быть, потому, что слишком редко стали смотреть на звезды...

Его философские размышления прервал какой-то непонятный шорох, донесшийся со стороны десятого дома. Гуров сразу же напрягся и, всмотревшись в темноту, заметил, как в отсветах дальних фонарей к калитке из ближнего переулка мелькнула какая-то крупная угловатая тень. Неизвестный – теперь Лев видел это вполне определенно – принес с собой что-то наподобие сумки и, положив ее на траву, начал шарить в ней руками, что могло означать только одно: этот тип замыслил нечто недоброе.

Почти бесшумно, что вырабатывалось годами работы в угрозыске, Гуров поспешил к соседнему дому и, улучив момент, одним прыжком настиг чужака, который остоленело замер, слишком поздно обнаружив его появление. Не давая опомниться неизвестному, Лев нанес ему

два сильных нокаутирующих удара. Тот, словно мешок картошки, безмолвно повалился на землю. Достав из кармана кусок крепкого шнура, он связал чужака по рукам и ногам, после чего, одной рукой крепко взяв его за ворот камуфляжной куртки, а другой подхватив с земли сумку, ускоренным шагом направился в проулочек.

Найдя место поукромнее, где едва ли могли бы оказаться посторонние глаза и уши, Гуров положил неизвестного и его сумку на траву, после чего достал телефон и набрал номер Стаса. Тот откликнулся после третьего или четвертого гудка:

– Да, Лева! Что там у тебя? Кто-то был?

– Он здесь, со мной, в проулочке за десятым домом. Быстренько давай ко мне! И захвати фонарик, а то я спросонья забыл взять. Надо будет этого фрукта допросить и снять его ответы на видео. Давай, жду!

Подсвечивая себе фонариком телефона, Лев проверил карманы чужака, но ни телефона, ни каких-либо документов или еще чего-то такого, что могло бы дать возможность его идентифицировать, в них не оказалось. Затем он расстегнул молнию на сумке и увидел переложенные газетами четыре пол-литровые бутылки, заполненные какой-то жидкостью. Принюхавшись, Гуров понял, что это какая-то горючая смесь на основе бензина. К горлышкам бутылок скотчем были примотаны какие-то шутовщины наподобие зажигалок.

«Ну и скоты! – мысленно рассудил он. – Ни хрена себе, додумались: поджечь жилой дом со спящими людьми. Вот уроды!..»

Вскоре со стороны улицы донесся шум шагов, и к нему подошел позевывающий Станислав. Осветив фонариком неизвестного, который все еще лежал без движения, он удивленно присвистнул:

– Какой улов! Везет тебе сегодня, Лева: и шуку заблеснил самую большую, и тварюгу эту двуногую взял... Это чего там у него в сумке? Бензин?!! Вот гнида! – Не удержавшись, Крячко двинул ему ногой под ребра. – Эй, ты! Еще не очухался, что ль?

Тот, издав маловразумительное мычание, заворочался на земле. Стас взял его за шкуру и посадил на траву, прислонив спиной к забору.

– Ага! Ожил... – Гуров достал из кармана телефон и, установив режим видеосъемки, попросил Станислава: – Физиономию ему освети!

Кривясь и щурясь от яркого света, бьющего ему в глаза, неизвестный, оказавшийся мордастым крепышом лет тридцати с лишним, возмущенно запротестовал:

– Че это такое? Вы кто? Чего вам надо?

Ни слова не говоря в ответ, Крячко выдернул пластмассовую пробку одной из бутылок и несколько раз плеснул ему под низ живота. В воздухе остро пахло бензином. Ошалело замолчав, мордастый несколько раз потянул носом и уже совсем другим тоном испуганно пролепетал:

– Что вы собираетесь делать? Зачем это вы? Что я вам плохого сделал?!

– Нам – нет, а вот людей собирався сжечь вместе с домом... – сурово проговорил Стас. – И ты сейчас можешь испытать на себе, что такое гореть заживо. Представляешь? Всего одна искра на твои штаны, и яйца спекутся вкрутую. Может, попробуем?

Насмерть перепуганный поджигатель затрясся словно осиновый лист и жалобно заскулил:

– Я тут ни при чем! Меня заставили! Я все расскажу! Все!

– Так, спокойно! Без истерик! Отвечай на поставленные вопросы четко и внятно! – отчеканил Гуров. – Фамилия, имя, отчество, год рождения, домашний адрес.

Торопливо закивав в ответ, неизвестный сообщил, что он – Сагуров Дмитрий Аркадьевич, восьмидесятого года рождения, проживает здесь же, в Горбылеве, на улице Маркса, четырнадцать, квартира два. Полгода назад он «откинулся» из мест заключения, где отбывал шесть лет общего режима по сто шестьдесят первой за грабеж в составе организованной группы.

Приехав в родное Горбылево, Сагуров так никуда и не смог устроиться на работу. Точнее сказать, туда, куда ему хотелось бы, его не брали, а куда брали, его совершенно не устраивало, поэтому все это время он перебивался случайными заработками.

Меньше недели назад к нему пришел человек, который предложил «непыльную работенку» с очень высокой оплатой. Он дал ему номер телефона какой-то женщины и объяснил, что конкретно нужно ей говорить, какие посылать эсмэски. Сагуров начал выполнять это задание весьма рьяно, но уже к концу того же дня телефон женщины оказался отключен. Когда стало известно, что она находится в больнице, «работодатель» предложил Сагурову пробраться в клинику и облить ее кислотой. Укусной, серной или какой-то еще – Дмитрий не знал.

– И ты согласился? – сурово уточнил Гуров.

Тот в ответ лишь угрюмо понурился. Но потом начал уверять, что не решился бы причинить женщине какое-либо зло ни за какие деньги. Хотя в больнице – да, побывал. Он сумел пробраться в терапевтическое отделение – но при этом никакой кислоты с собой у него не было, – облачился в медицинский халат и изображал из себя санитаря. Заглянув в палату своей потенциальной жертвы, в дверях он нос к носу столкнулся с какой-то особой строгого вида, которая в упор задала ему вопрос:

– А ты кто такой? Тебе чего здесь нужно?

Это настолько обескуражило Сагурова, что он тут же счел за лучшее поскорее смыться. А сегодня заказчик вызвал его по телефону в безлюдное место, где передал аванс и бутылки с горючей смесью. Он приказал бросить все четыре бутылки в дом десять по Жуковского – под каждое из окон на фасаде по бутылке. Конкретной задачи поджечь квартиры не ставилось, главное условие – чтобы загорелся сам дом...

– Как зовут заказчика? Кто он и откуда? – деловито спросил Крячко.

– Я не знаю... – попытался отвертеться Сагуров, но Станислав в момент пресек его «несознанию», жестко предупредив:

– Мы сейчас разбудим жильцов этого дома, объясним, что с ними могло произойти, если бы тебя вовремя не остановили, и передадим им тебя вместе с бутылками. Представляю, что с тобой будет до утра!

– Н-не надо! Очень прошу! – запричитал поджигатель. – Лучше сдайте меня в полицию! Лучше еще один срок, чем... Чем то, что эти люди будут со мной делать. Я, честно, многого не знаю, но кое-что могу вам сказать. В общем, сегодня, когда я получал от заказчика задание, он назвал себя Захаром, ему кто-то позвонил, и я услышал его погоняло. Какой-то мужик его спросил: «Балык, ты где сейчас?» Он ответил: «Даю инструкции Абраму». Ну, Абрам – это мое погоняло. Мужик: «Ну ладно, как только с ним перетрете, сразу давай ко мне». И все...

– Когда вы должны были встретиться с Балыком, если бы поджог удался? – проводив взглядом неспешно проехавшую по улице машину, спросил Гуров.

– Он сказал, что позвонит сам и назовет место и время. Но теперь-то он, конечно, уже не позвонит...

– Кручинишься, что теперь не получишь своих сребреников? – язвительно усмехнулся Стас. – А у тебя, я вижу, мозгов никак не хватает, чтобы понять очень простую истину: после этого поджога, да еще случись он с человеческими жертвами, ты бы получил не бабло, а пулю промеж глаз. Въезжаешь?

Судя по всему, Сагуров и в самом деле только теперь понял, в какую историю влип. Его рот задергался, и он внезапно охрипшим голосом спросил:

– А вы со мной... Что хотите сделать? Я... Догадываюсь, откуда вы. Вы из органов? Да? Вы же не собираетесь меня убить?

– Не собираемся, хотя стоило бы... – сурово обронил Лев, шаря у себя по карманам. – Надо бы его пальчики откатать и послать нашим ребятам, чтобы пробили его по базам данных.

– А чем и на чем откатывать? – развел руками Крячко.

– Да у меня в блокноте есть пакетик с черным тонаром для лазерного принтера. Блокнот типа ватмана, без разлиновки. Стоит попробовать.

Они развязали руки поджигателя и, аккуратно обмакивая подушечки его пальцев в пакетик с тонаром, поочередно приложили их к белоснежной, гладкой бумаге блокнота.

– Гляди-ка! Получилось! – любясь вполне удовлетворительного качества рисунком папиллярных линий, отметил Станислав. – Своей камерой снимешь?

– По мегапикселям она у меня вполне ничего, так что сейчас сделаем... – снимая камерой телефона отпечатки пальцев, деловито прокомментировал Гуров.

Отправив снимки и снятое видео на дежурного информ-отдела главка, он связался с ним по телефону. На связи оказался лейтенант Анисимов, который, чуть позевывая, пообещал оперативно проверить все данные по Сагурову. Нажав на кнопку отбоя, Лев вполне миролюбиво резюмировал:

– Такие вот, Сагуров, пироги с горькой редькой! Сейчас дадим тебе бумагу и авторучку, напишешь «чистуху», а потом... А что потом? – вопросительно взглянул он на Стаса. – Куда его нам девать-то? В местную ментовку? Он же вроде бы сам туда просился?

– А ты думаешь, он там долго проживет? Что-то местные коллеги доверия мне не внушают... – с оттенком сарказма ответил тот.

– Мужики! Граждане начальники! – внезапно заволновался Сагуров. – Вы правильно говорите – придушат меня там в момент и скажут, что я сам покончил с собой. Знаете... Могу вам кое-что еще рассказать. Только это – без протокола! Хорошо? В общем, дней пять назад я тут квасил в одной блатхате, и там один из бывалых толкнул такое, что тутошний начальник полиции, прокурор и глава района, в общем, все ходят под паханами. Их трое, они не тутошние, в Горбылеве бывают наездами. Еще где-то в этих местах есть смотрящий, его погоняло Шершень. Только бывалый и сам не в курсах, кто главнее – смотрящий или эти три пахана. Они, говорит, тут реальные хозяева. Тутошний глава Тыркин с ними каждый свой чих совывает. Кого куда назначить, кого откуда снять – все идет через них.

– А хотя бы клички этих паханов тебе известны? – заинтересовался Станислав.

– Здоровьем своим клянусь – ничего этого не знаю! Но, как я понял из его трепа, где-то на этих днях у них в Горбылеве должен быть сходняк с местными шишками. Будут пилить бюджет и назначать дань на кооператоров, торгашей и прочих.

– А по поводу того, кто мог убить женщин, там никто ничего не говорил? – спросил Гуров, продолжая снимать задержанного камерой телефона.

– Говорили, было дело! Это еще раньше я слышал. Мужики базарили, будто этой мокрухой занимается кто-то не из наших. Нет, нет! Это кто-то из богатых фраеров. Ну, как их называют? Во! Мажоры. Тут, в Горбылеве, как-то видели дорогушную черную «бэху», вот только не знают, откуда и чья она. Номер у нее прикольный: крупными буквами выштамповано «ПШЕЛ-НАХ». Но это всего лишь базар... За ноги-то никто не держал – как докажешь, что это именно он? Ну, так что... граждане начальники? Может, меня... Это... А?

– Лады! – Крячко решительно рубанул рукой. – Сейчас свои признания пишешь на бумаге, и мы тебя отпускаем. Идет?

– Кстати, ты заметил, что сейчас опять мимо нас по Жуковского прошла белая «Дэу», теперь уже в другую сторону? – вдруг произнес Лев. – Уж не заказчик ли приехал проверить, почему до сих пор десятый дом не загорелся? У него какая машина? – обернулся он к Сагурову.

– Белая «Дэу»... – с испугом глядя в сторону улицы, выдавил поджигатель.

– Пиши! – протянул ему бумагу и авторучку Крячко.

При свете фонарика тот начал быстро строчить по бумаге. Пользуясь выдавшимся моментом, Гуров дошел до конца проулка и окинул взглядом спящую улицу. К этому времени на востоке уже начала брезжить ранняя заря. Неожиданно затренькал в кармане его телефон. Это

был Анисимов. Он подтвердил, что информация, данная Сагуровым о себе, полностью соответствует тому, что имеется в базе данных. Полностью совпали и отпечатки пальцев.

Неожиданно в отдалении снова послышался звук мотора легкового автомобиля. Через пару минут из-за поворота, все так же крадучись, выкатила белая «Дэу» с замазанными грязью номерами. Стоя в тени большого осокоря, растущего у самого проулка, Лев внимательно наблюдал за тем, куда же она двинется дальше. И тут... Из проулка напротив, слепя галогеновой фарой, на полном ходу на Жуковского вылетел скутер, осветив его снопом режущего глаз белого света.

Лев ринулся за ствол дерева, но, как видно, тот, кто находился в машине, заметить его все же успел. Резко рванув с места, «Дэу» моментально скрылась за домами, свернув на первом же перекрестке. Теперь он знал наверняка: это и в самом деле был заказчик травли и покушения на Елену Кубышную. Значит, они со Стасом эту ночь провели на ногах не зря.

Вернувшись, Гуров увидел Станислава, перечитывающего чистосердечное признание Сагурова. Разбирая написанное, Крячко то и дело досадливо фыркал, сердито комментируя:

– Ну, блин, и почерк! Ну и почерк!.. Даже хуже моего. Ладно, пойдет. Сам свои ноги развязывай и вали на все четыре стороны.

– Что, можно? – не веря своим ушам, спросил тот, торопливо развязывая шнур.

– Иди, иди... – подтвердил Лев, кивнув головой. – Только советовал бы тебе где-нибудь залечь не меньше чем на неделю. И желательно за пределами Горбылева. Это – уже точно! – был твой заказчик. Судя по всему, сегодняшнее утро ты мог бы уже и не встретить... Телефон свой скажи!

– Я уже записал... – зевнув, откликнулся Стас, поднимая с земли сумку с бутылками. – И еще, Сагуров: про наш разговор – ну, ты же не дурак! – ни одной живой душе.

– Это само собой, само собой... Все, счастливенько! Пока!.. – зачастил тот, скрываясь в уже редющих предутренних сумерках.

– Надо будет на бутылках поискать пальчики заказчика... – заметил Лев, направляясь к выходу из проулка. – Тогда уж ему точно не отвертеться!

...Проснулись опера уже в первом часу, когда августовский день был в полном разгаре. Первым поднялся Лев. Быстро выполнив разминку и умывшись, он разбудил Стаса. Заглянувшая к ним тетя Вера объявила:

– Обед давно готов! Прошу к столу!

Когда они взялись за ложки и начали дегустировать наваристые щи, налив и себе черпачок «за компанию», хозяйка квартиры с таинственным видом сообщила:

– Ходила в магазин за хлебом, видела там Людмилу Хатырину... Ну, подругу Лены Кубышной. Что она рассказала! Вчера вечером, когда вы ходили искать телефон, на базе отдыха для наших «крутых» кто-то так избил Яшку Цурякина, что его оттуда увезла «Скорая». Сейчас он лежит в реанимации, не приходя в сознание. Полиция посчитала, что это друзья Андрея, и снапала двоих парней. Вроде бы вчера днем охранники базы видели, как они для чего-то ошивались подле ворот.

– Теперь их что, тоже бить будут? – На лице Гурова промелькнуло выражение некоторой озабоченности.

– Не знаю... Мне так думается, не должны бы. – Тетя Вера с сомнением покачала головой. – Руки не по делу распускать любил Гунявый, а он теперь в больнице. Да и у хлопцев этих родни – чуть не полгорода. Если их побьют, то завтра и те, что бил, сами могут получить кренделей. А, и еще! Утром в балке за городом что-то загорелось. Мужики поехали проверить, а там – машина чья-то полыхает. Вызвали нашу «пожарку». Залили пеной, а внутри кабины – обгорелый чело... Ой, господи, прости! За столом такие ужасы рассказываю!..

– Ничего, ничего, мы люди бывалые, всякого в жизни насмотрелись... – безмятежно улыбнулся Станислав. – И кто же он такой, еще не определили?

– Говорят, хозяин СТО, что в том конце города. Ходили слухи, будто он всякими темными делами занимался. И машины краденые на запчасти разбирал, и те машины, что людей сбивали, чинил, чтобы их хозяев найти не могли. А что уж с ним случилось – никто не знает.

– А как его фамилия, вы не в курсе? – о чем-то начиная догадываться, поинтересовался Гуров.

– Вроде Булыгин... – задумчиво подперев голову рукой, произнесла хозяйка квартиры.

– Балык! – коротко взглянул на Стаса Лев.

– Да, да, такое прозвище у него и было – Балык! – подтвердила тетя Вера.

Опера сразу поняли: Балыка убрал «синедрион» криминальных авторитетов. Нанятый Булыгиным исполнитель в лице Сагурова дважды провалил покушение на Елену Кубышную. Сам Балык его нейтрализовать (то бишь уничтожить физически) не смог по той простой причине, что Сагуров, не исполнив поджога, внезапно куда-то бесследно исчез. Но так как его убийство было запланировано изначально, главные заказчики расправились с самим Булыгиным, чтобы «обрубить концы» – нет человека, нет и проблемы.

Глава 4

Сразу после обеда опера вышли в небольшой яблонево́й сад тети Веры всего из пяти деревьев и дюжины небольших грядок с овощами и зеленью. Глядя на аккуратные, ухоженные – без сорнячки! – прямоугольники с растущими на них помидорами, петрушкой, репой и прочим, Крячко мечтательно вздохнул:

– Эх, блин! Красотища... Словно в детство вернулся. У моих деда с бабулей огород был намного больше, но грядки – точно такие же: ровненькие, чистенькие, аккуратные.

– Так, молодые люди, – раздался за их спинами голос хозяйки. – Вот ведро с водой, вот кружка. Можете мыть вон те яблоки и кушать без ограничения и лимитов. Они уже спели. Очень вкусные!

Окинув взглядом раскидистое дерево, сплошь усыпанное ярко-красными яблоками, Стас плотоядно облизнулся, но, вдруг устыдившись, начал отказываться:

– Теть Вер, да как-то неудобно...

– Ну а куда мне их? Сама, что ль, все съем? Я и так, бывает, наберу ведро и ставлю подле калитки – пусть берут и едят все, кто захочет. Сажала-то для внуков, но мои дочь с зятем живут на Дальнем Востоке, вижу их раз в три года...

– Ну, если так, тогда надо бы отведасть! – как бы убеждая самого себя, произнес Крячко.

Яблоки и впрямь оказались по-настоящему сладкими. Воздавая должное их аромату и вкусу, Гуров вдруг вспомнил о том, что они давно уже собирались выяснить, да все никак не могли удосужиться.

– Тетя Вера, а вы не знаете, в честь какого Жуковского названа ваша улица? – поинтересовался он.

– Конечно, знаю. В честь нашего земляка, казачьего сотника Прокопия Жуковского, который под началом атамана Платова Бонапарта громил. Домой вернулся с тремя Георгиевскими крестами. В ту пору и один «Георгий» считался самой-самой большой солдатской наградой. А у него – сразу три! Здесь Прокопия очень почитали. Его могилу даже в тридцатые годы не посмели потревожить. А похоронен он в центре Горбылева, рядом с церковью. Будете в городском парке – увидите.

– Обязательно сходим! – пообещал Крячко и, взглянув на Льва, вполголоса добавил: – Счет по нулям! Хорошо тут у вас, тетя Вера, в саду! Энергетика очень здоровая. Чувствую себя отдохнувшим. Просто великолепно!

– И слава богу! – ответила хозяйка. – А то у вас, я так поняла, эта ночь выдалась очень беспокойной. Вот, хочу кое о чем вас спросить. Сегодня ночью у десятого дома вы кого-то ловили? А то где-то часа в три слышу, телефон в вашей комнате запиликал, следом дверь хлопнула, кто-то ушел. Ну, думаю, Лев Иванович зачем-то позвал к себе на выручку Станислава Васильевича. Потом еще приходили-уходили...

Переглянувшись, опера после некоторой заминки признались, что действительно сегодня ночью кое-кого заметили и даже задержали. Неизвестный кое-что интересное им рассказал, и они его отпустили.

Их беседу прервал чей-то стук в калитку, на что Тарзан отреагировал своим хриплым «гав-гав!». Тетя Вера поспешила к воротам, и приятели увидели вошедшую во двор моложавую женщину под пятьдесят, которая, улыбаясь, что-то стала рассказывать хозяйке.

По тому, как та оглянулась в их сторону, опера сразу же поняли, что речь идет о них.

– Ну-ка, давай послушаем, что там дамы обсуждают! – негромко сказал Лев, не спеша направляясь к собеседницам.

Но те и сами зашагали к ним навстречу. Кивком указав на свою гостью, тетя Вера представила ее:

– Это вот и есть Люда Хатырина, подруга Лены Кубышной. А это – мои гости, Лев Иванович и Станислав Васильевич, члены московской ДНД.

Опера, приветливо улыбнувшись госте, поздоровались и поинтересовались, как идут у нее дела. Та, ответив, что лично у нее самой «жизнь бьет ключом» и «все распрекрасно», сообщила, что пришла сюда по просьбе Елены Кубышной. Та минувшей ночью, мучаясь бессонницей, стояла у окна и видела нечто необычное, происходившее перед их десятым домом. А потому хотела бы знать: не навлекает ли она своим присутствием на жильцов десятого дома какую-либо опасность?

– ...Видите ли, если кто-то из подлых людишек замыслил сотворить ей какую-то гадость, которая для всех, кто там живет, станет общей бедой, то Лена хотела бы знать об этом заранее, – обеспокоенно пояснила Хатырина.

– И что ж необычного Елена увидела, раз сделала такие серьезные выводы? – вопросом на вопрос ответил Гуров.

– Ну, как сказать? – Хатырина рукой изобразила жест, который можно было понять как «никто труса не празднует, но осторожность – прежде всего». – Около трех ночи она заметила какого-то типа, который со стороны проулка крадучись подошел к их дому и у палисадника зачем-то начал рыться в своей сумке. Тут с другой стороны к нему, тоже пригнувшись, подбежал крепкий такой, сильный мужчина и кулаками бац-бац! – этого первого. Тот – с катушек. И второй мужчина взял этого за шкурку, подобрал его сумку и куда-то утащил. Потом глядит, от двенадцатого дома к проулку пробежал еще один, в кожаной ветровке... – Она выразительно посмотрела на кожаную ветровку Станислава.

Тот, от смеха едва не поперхнувшись яблоком, поспешно отвернулся и, откашлявшись, с более чем серьезным видом уточнил:

– Так вы говорите, он был в точно такой же кожаной ветровке? Очень интересно! И что же было дальше?

– Дальше? Совсем под утро все те же двое мужчин от проулка пошли к двенадцатому дому. И на этом все закончилось. Куда делся тот, что был с сумкой, – неизвестно... А еще всю ночь по нашей улице взад-вперед разъезжала какая-то белая иномарка. Лена видела, как она останавливалась, уезжала, снова возвращалась, а потом вдруг прошмыгнула в сторону Лермонтова на всех газах, как будто кого-то испугалась. И больше уже не появилась. И вот теперь Лена хотела бы знать, что же это было-то?! Чего ей теперь ждать? Может быть, вы что-то могли бы сказать?

– Какие ценные агентурные кадры пропадают в провинции, не находя себе достойного применения! – рассмеялся Гуров, переглянувшись со Станиславом. – Значит, Елена Кубышная этой ночью наблюдала за какими-то странными субъектами у ее дома и это ее очень обеспокоило...

– Нет, ну в самом деле, может быть, вам что-то известно о том, что кто-то намеревается устроить на нее покушение? Поймите правильно: за себя она не боится, но очень опасается за своих соседей. Вдруг кто-то надумает поджечь или взорвать их дом? Тогда уж лучше бы ей куда-нибудь на время уехать, чтобы не пострадали другие. Там в двух семьях есть маленькие дети – не дай бог, пострадают они! Что бы вы посоветовали?

Потерев лоб, Лев некоторое время размышлял, после чего негромко поинтересовался:

– Я не хочу никого обидеть своим вопросом, но все же, уважаемые дамы, спрошу: вы секреты хранить умеете?

– Могила! – категорично выдала Хатырина. – Как и тетя Вера. Она вообще у нас партизанка – клещами слова не вырвать, если что-то надо сохранить в тайне. Так что говорите – звонить на каждом углу не будем.

– Хорошо... – Гуров сдержанно улыбнулся. – Собственно говоря, кто мы такие со Станиславом Васильевичем – теперь уже особой тайны нет. Мы – сотрудники федерального главка

угрозыска, полковник Гуров и полковник Крячко. Вот цель нашего визита в Горбылево – не для самой широкой огласки. Официально – мы действительно отпускники, приехавшие порыбачить на Крякве и Дону. Но на самом деле мы намерены провести свое расследование по делу Андрея Кубышного. Вы в курсе, что Елена Кубышная – двоюродная сестра начальника нашего главка генерал-лейтенанта Петра Орлова?

Судя по реакции женщин, они об этом слышали впервые. Хозяйка квартиры, можно сказать, вообще была несколько ошарашена таким известием. Всплеснув руками, она только и смогла произнести:

– Вот это новость! Сроду такого не знала... Надо же – генерал-лейтенант!

– Хм-м-м... – Хатырина тоже была крайне озадачена, но тут же взяла себя в руки. – Ну, если он такой большой начальник, то почему же тогда не даст нашим здешним уродам по рукам? Или он не верит в то, что Андрей не виноват?

– Люда, поймите, он, конечно, генерал, но не ясновидящий же! – двинув плечом, ответил Крячко. – Это первое. А второе то, что он, как настоящий офицер, не может позволить себе давить на следствие ради родственника. Тем более что кое-кто из его «лучших друзей» ждет от него именно такого шага, как подарка. Тогда у этих деятелей подколотных появится козырь очернить Орлова в глазах высшего руководства и убрать его с нынешней должности. Это наше личное решение – поехать сюда и разобраться. Но об этом, как вы сами должны бы догадаться, пока никому ни слова!

Людмила утвердительно потрясла головой и в довершение этого энергично рубанула по воздуху кулаком:

– Ну, тогда, мужики, я вас уважаю! Тогда понятно, кто вчера отвесил кренделей этой сволочи – Гунявому. Если бы не это, сегодня утром, скорее всего, Андрей лежал бы в реанимации. Или в морге. Пару часов назад я встретила с его адвокатом. Представляете? Адвоката только сегодня впервые допустили к Андрею! Ну, что сказать о его состоянии? Все ребра синие, суставы опухшие. Он рассказал адвокату, что Гунявый вчера днем пришел к нему и с ходу начал напирать: подписывай «чистуху»! Андрей – ни в какую. Гунявый распахивался и пообещал, что устроит ему «варфоломеевскую ночь» – отобьет все внутренности. Андрей уже и думал было, что это – все, конец. Часов до трех ночи уснуть не мог. Только Гунявый, слава богу, так и не появился. Так что, мужики, за одно это – благодарность вам безграничная.

– Это наша работа... – без намека на рисовку ответил Стас. – Что же касается ночного происшествия... Да, поймали мы тут одного бездельника, которому Балык поручил поджечь десятый дом. Допросили его и отпустили. А зачем он нам теперь? Поджог дома не состоялся, за это сожгли самого Балыка вместе с машиной. Так что в ближайшие дни Елена и ее соседи могут спать спокойно. Я думаю, отморозки уже почуяли, что над их башкой замаячила хорошая дубина, поэтому на такие проделки больше не решатся.

– И что теперь думаете делать? – вздохнув с заметным облегчением, спросила Хатырина.

– Ну, как – что? Нужно срочно найти настоящего маньяка, – произнес Гуров. – И в этом я рассчитываю на помощь местного населения. В первую очередь на вас, коль уж мы все настроены на спасение парня, которого очень хитро подставила здешняя уголовщина.

– Лев Иванович! Готова оказать любую помощь, даже если прикажете идти в штыковую! – упреив руки в бока, воскликнула Хатырина.

– В штыковую, надеюсь, никому из нас идти не придется. А вот информация, причем точная, подкрепленная свидетельскими показаниями, очень даже нужна! Давайте вон там присядем и хорошенько все это обсудим, – предложил Лев, кивнув в сторону садового столика, вокруг которого квадратом стояли лавочки.

– Между прочим, хорошая информация посильнее будет и штыка, и фугаса! – присаживаясь на лавочку, философски резюмировал Стас.

Первое, что интересовало Льва, – много ли имелось у Андрея злопыхателей, недоброжелателей, завистников, часто ли у него случались с ними какие-либо трения, скандалы, особенно в период, предшествовавший случившемуся? По словам Людмилы (что усердно дополнялось тетей Верой), и завистников, и злопыхателей у Кубышного было в достатке. Хотя по своей натуре человек он не самый конфликтный, очень уравновешенный и позитивный по характеру. Родился Андрей и вырос здесь, в Горбылеве. Сразу после школы пошел учиться в педагогический колледж на преподавателя физкультуры. Заодно освоил специализацию и по географии. Потом была служба на флоте. Школьники относились к нему вполне уважительно. Прежде всего потому, что он никого никогда не унижал. Да и перед вышестоящими никогда не унижался сам. Держался со всеми ровно и корректно.

Веселый и жизнерадостный, он всегда был душой любой компании. Физически крепкий и хорошо подготовленный, с квалификацией кандидата в мастера спорта по самбо, он не боялся ни пьяных забулдыг, ни отпетого хулиганья. Впрочем, своими возможностями Кубышный никогда не хвастался и предпочитал держаться скромно, без саморекламы.

Многие местные девчонки были от него без ума. Некоторые из них любой ценой пытались добиться его взаимности, но безуспешно. Еще в школе он встречался со своей одноклассницей – первой симпатяшкой класса Ритой Зориной, и все были уверены, что более пригожей пары во всем районе не сыскать. Но когда Андрей поехал учиться в колледж, их дружба и любовь отчего-то внезапно рухнули.

– ...Ходили слухи, что Ритке приворотного зелья сумели подсунуть, – хмуро пояснила Хатырина. – Не смейтесь, не смейтесь! У нас тут по округе, как минимум, три такие ведьмы есть. Я и сама бы не поверила в это, если бы те, что от них пострадали, мне бы об этом не рассказывали!

Так это было или иначе, но как-то зимой Кубышный в очередной раз приехал на выходные и, к своему крайнему удивлению, узнал неприятную новость. Ему сообщили, что в его отсутствие та, которую он считал любящей и преданной, вдруг забыла о нем и стала встречаться с Васькой Табаликом, сыном здешнего олигарха, Германа Табалика – хозяина местного завода строительных материалов. Причем – что Андрея поразило больше всего – до самого последнего дня, когда он с ней созванивался, Рита даже намеком не показала, что между ними в реальности все кончено.

Понятное дело, Кубышный этот разрыв переживал очень болезненно. А его бывшая возлюбленная, словно стараясь за что-то ему отомстить, в день свадьбы со своим новым ухажером настояла, чтобы их свадебный кортеж проехал мимо десятого дома по Жуковского и, остановившись напротив, не менее минуты глушил бы всю округу гудками клаксонов. Своей цели она достигла – в тот день Андрей впервые напился до чертиков. Правда, это было в первый и единственный раз...

– Ну, и как они сейчас живут, тот олигархенок и его зазноба? – с нотками язвительности поинтересовался Станислав.

– Да никак они сейчас не живут... – пренебрежительно поморщилась Людмила. – Месяц пожили и разбежались. Васька себе сразу же другую нашел, а та коза пошла в приживалки к коммерческому партнеру его папаша. Сейчас где-то в Москве обретается с мужиком, которому под шестьдесят. Так вот, к чему весь этот сыр-бор?.. Васька Табалик хоть и гоношится, хоть и корчит из себя «герцога бельведерского», но все знают, что он и поныне Андрею дико завидует, из-за чего, говорят, постоянно на него точит зуб.

– О как! – удивился Гуров. – И с чего бы это вдруг?

– Ну, точно я сказать не могу. Но дело в том, что они учились в одной школе, в одном классе, а Андрей всегда там был настоящей звездой – и своего класса, и всей школы. Кто на районном конкурсе художественной самодеятельности лучше всех на гармони сыграет, и спляшет, и споет? Андрей. Кто на районной спартакиаде школьников лучше всех и кросс пробежит,

и стометровку проплывет? Андрей... А Васька? Он и нигде, и никак. Никому не интересная тусклая, серая натура. Видимо, эта зависть и ненависть в нем еще с той поры.

– Не исключено! Такое в жизни не редкость, – охотно согласился Крячко.

– Васька всю свою жизнь, как мог, набивал себе цену. Еще когда был холостым, всегда корчил из себя «крутого мачо» – девок менял то и дело. Правда, когда обженился с Риткой, вроде бы малость с этим поприжал. А как с ней разбежались, будто с цепи сорвался. Ну а что? Денег у папаши много, дур, падких на дорогие подарки, хватает... С какой-нибудь дурищей месяц-другой покуролесит, и – прощай! Но и тут он нарвался. Ходили слухи, что одна из девок, кого он «поматросил» и бросил, сказала ему в глаза: хоть ты у Андрея дуру Ритку и отбил, но он все равно Андрей, а ты – Чмыльником был, Чмыльником навсегда и останешься.

– Чмыльник – это его кличка? – уточнил Гуров.

– Да, еще со школы... Даже не знаю, откуда она взялась и кто ее придумал. Но Васька, если его обзовут Чмыльником, прямо аж сатанеет от злости. Может быть, думает, что это Андрей его так назвал, поэтому так его и ненавидит? Так что если кто и был заинтересован в том, чтобы Андрея оклеветать, унижить и загубить, то Табалик-младший в числе первых.

– Очень даже вероятно... – задумчиво резюмировал Лев. – То есть вы допускаете, что эту провокацию с задержанием Кубышного мог заказать и даже организовать Василий Табалик?

– Процентом на девяносто – уверена! – убежденно произнесла Людмила. – Кстати, вся эта возня началась еще ранней весной. Непонятно почему, на Андрея вдруг посыпались неприятности. Одна из старшеклассниц заявила директору школы, будто Андрей к ней приставал. Ну, понятно, что она имела в виду. Директор, даже не разбираясь, сразу же отстранил его от занятий и в момент нашел ему замену, будто заранее знал, что такое случится.

– А у директора к Кубышному могли быть какие-то претензии?

– Думаю, что да... Видите ли, у нас в городе две школы. И в обеих обстановка сейчас крайне нездоровая. Возможно, это вам покажется чьей-то выдумкой, но у меня такое ощущение, что школьников заранее готовят в уголовники. Да и чего ждать от тамошних учителей, если нынешний начальник отдела образования три года сидел за взятки?! Поэтому, насколько я знаю, какой-то нормальной воспитательной работы с детьми не ведется – все только на бумаге, а в классах верховодят отмороженные «паханки», и учителя этого не пресекают. Не знаю, правда это или нет, но дети ежемесячно должны приносить деньги «на шторы», начиная с первоклассников. Если кто-то платить не желает, его могут и поколотить.

– Даже поколотить?! – сдвинув брови, переспросил Крячко.

– Именно поколотить! Например, одного пятиклассника в мае месяце отфуговали двое тваренышей из параллельного. Нашли повод: будто он обидел кого-то из младшего класса, ну, и побили до синяков. Могут и какую-нибудь гадость сделать. Например, одной девочке-семикласснице в сумку змею посадили. У нее чуть сердце не разорвалось от испуга, когда она обнаружила такой «сюрприз».

– Действительно, черт знает что творится! – Лев удивленно покрутил головой. – И Андрей, надо понимать, с этой системой не согласился, стал противиться, за что на него и начались всевозможные «наезды»?

– Да, Лев Иванович, думаю, отсюда тоже не слабо «поддуло». Как раз незадолго до того, как на него поступила жалоба, они с директором довольно крепко поцапались. И именно из-за этих поборов.

– И чем же закончилось то разбирательство с «приставаниями»? – замерев с надкушенным яблоком в руке, спросил Станислав.

– Для его организаторов – полным провалом. Когда Андрея посадили в КПЗ, то об этом тут же узнал чуть не весь город. Узнала и мать той соплячки. Вернувшись с работы, взяла в руки ремень и потребовала отчета у дочери по части того, когда и как ее домогался Кубышный. А потом взяла эту дурищу за руку и отвела в полицию. Та, с соплями и слезами, расска-

зала, что, дескать, Андрей Геннадьевич на нее никакого внимания не обращал, поэтому она и решила добиться его взаимности таким вот способом. Что там началось! Заявление принимать не стали, типа того, прокуратура уже возбудила уголовное дело и задний ход ему никто не даст...

– Вот бардачина! – в очередной раз подивился Гуров. – Порядки и в самом деле какие-то бандитские.

– Тогда эта женщина пригрозила им, что завтра же поедет в область и будет на них жаловаться там. Они тут же с кем-то созвонились, и Андрея выпустили. Но вот директор на работе его все равно не восстановил. Тогда Андрей подал на него в суд. Ну а суд у нас – шемакин. Почти до самого лета мурыжили, волокитили и лишь в конце мая вынесли решение – отказать. Он – в областной. Там тоже отказали. Тогда Андрей подал кассацию в Москву. И вскоре после этого его схватили, как будто это он маньячил по ночам.

– А обстоятельства его задержания вам известны? – спросил Лев и выжидающе прищурился.

Как оказалось, по этому поводу в городе царила полная разногласица. Толком вообще никто не мог сказать, когда и как именно произошло задержание. А если просуммировать все то, что передается от одного к другому по старому народному принципу: грак – граку, дурак – дураку, то произошло это примерно так...

Став безработным, Андрей устроился грузчиком в сетевой придорожный магазин «Заруливай!», относящийся к областной торговой компании и местным властям никак не подчиненный (в Горбылеве его никто не брал на работу даже дворником, как будто кто-то отдал на это свой приказ).

Где-то с неделю назад Кубышный вечерней порой шел пешком домой с работы. Впрочем, как и всякий придорожный магазин, «Заруливай!» работал в круглосуточном режиме, и перемена там производилась около восьми утра. Но в тот день почему-то не вышел на работу грузчик, который должен был сменить Андрея. Дома его не было, его телефон не отвечал. По просьбе директора торговой точки Кубышный задержался до вечера, пока ему искали замену, поэтому домой пошел уже часу в одиннадцатом вечера – даже для лета время достаточно позднее.

Путь Андрея к дому пролегал мимо пустых корпусов заброшенных мастерских давно уже разорившегося филиала «Сельхозтехники». И вот в том, что именно произошло на той территории, среди местных «всезнаев» царила полная разногласица. По версии, изложенной Людмиле участковым, Кубышный при себе имел сумку, в которой непонятно для каких целей лежал разделочный нож, какими на бойнях и мясокомбинатах обрабатывают туши животных после убоя. Случайно встретив жительницу города (кто она такая – держалось в секрете «в интересах следствия»), Андрей предложил ей вступить с ним в интимную связь. Поскольку та наотрез отказалась, он выхватил из сумки нож и погнался за своей жертвой. Женщина, громко крича, стала звать на помощь.

И помощь подоспела вовремя – в тот самый миг, когда преследователь уже схватил потерпевшую за одежду, намереваясь ударить ее ножом, чисто случайно оказавшиеся неподалеку двое сотрудников полиции (их имена тоже не разглашались, и тоже «в интересах следствия») немедленно пришли ей на помощь. Скрутив преступника, они заковали его в наручники и отвезли в райотдел. У Кубышных дома, уже в первом часу ночи, был произведен обыск, в ходе которого в комнате Андрея был найден сотовый телефон, принадлежащий одной из жертв маньяка. Кроме того, была найдена золотая цепочка другой жертвы. Во время обыска Елене Кубышной стало плохо, и один из понятых, из числа соседей по дому, вызвал ей «Скорую помощь».

– ...Я узнала об этом чисто случайно, – возмущенно повествовала Хатырина. – Утром пришла навестить Лену в больнице, а она лежит где-то в коридоре на голой кушетке, лицо зеле-

ное, дыхание прерывающееся, глаза мутные... Я к заведующему: вы ей хоть какую-то помощь оказали? Он губы отвесил и гундит: медперсонал не желает возюкаться с матерью убийцы и насильника! Я и вскипела! Наорала на них на всех: вы не врачи, а ублюдки и фашисты! Вы же давали клятву Гиппократу! Как вы можете так относиться к ни в чем не повинному человеку?! Кто доказал, что Андрей – маньяк?! Кто?! И при чем тут его мать? Не дай бог, Елена умрет – я весь ваш гадючник пересажую! Смотрю – заведующий задергался, забегал... Мне уже потом одна медсестра по секрету рассказала, что кем-то свыше была дана жесткая команда – Кубышной никакой помощи не оказывать. Она осталась жива благодаря тому, что медсестры тайком от начальства сделали ей два укола. Представляете, какие тут упыри?! А потом началась травля Лены по телефону. И звонки, и эсэмэски с угрозами...

– Так, а какова же версия не полицейская? – спросил Гуров.

Как оказалось, неофициальная версия от официальной отличалась довольно-таки здорово. Согласно этой версии, когда Андрей проходил мимо заброшенных мастерских, то услышал женский крик – кто-то звал на помощь. Не подозревая, что это ловушка, он побежал в ту сторону, откуда доносился этот зов, и за корпусами на пустыре увидел двух верзил, которые выкручивали руки молодой женщине. Подбегая, Кубышный на ходу потребовал, чтобы отморозки немедленно ее отпустили. Один из нападающих, выхватив разделочный нож, ринулся на него, явно намереваясь пустить в ход свое оружие. Однако Андрей сумел перехватить руку с ножом и выкрутил ее за спину. Отняв нож у него, он услышал крик потерпевшей, которая, воспользовавшись моментом, вырвалась и побежала куда-то прочь. Второй бандит, тоже достав нож, в этот момент гнался за нею. Отбросив нож, отнятый у бандита, в бурьян и вырубив подонка ударом кулака, Кубышный поспешил за вторым негодяем. И в этот-то самый момент откуда-то сбоку внезапно выскочили двое полицейских – прапорщик и сержант. Обрадовавшись их появлению, Андрей крикнул, чтобы они добежали до первого бандита, лежащего в «отключке», и, пока тот без сознания, заковали его в наручники. А сам, накинувшись на замявшегося в растерянности второго подонка, выбил у него нож и, проведя эффектный прием, скрутил того штопором.

То, что произошло дальше, повергло его в изумление и ступор. «Стражи правопорядка», вместо того чтобы принять меры к задержанию и фиксации бандитов, схватили за руки его самого, выкрутили их за спину и защелкнули на запястьях «браслеты». Ошеломленный происшедшим, Кубышный даже не сопротивлялся, воспринимая происходящее как нелепый, дурной сон.

– Вы что, мужики? Охренели? – спросил он, глядя на полицейских. – Вы ничего не перепутали? Или, может быть, чего-то не того покурили? Вы не заметили, что это они напали на девушку, что они собирались ее убить? А я ее защищал! Тут что, симпозиум пациентов клиники Кащенко?

Увидев приближающуюся к ним «потерпевшую», Андрей, все еще будучи уверенным в том, что произошло какое-то идиотское недоразумение, хотел было попросить ее внести ясность – объяснить полицейским, что это не он на нее напал, но, лишь взглянув на ее лицо, на котором играла ехидная ухмылочка, вдруг все понял: это был подлый спектакль, разыгранный для того, чтобы с ним расправиться. И эта девица – вовсе не жертва, а что-то наподобие подсадной утки. Подойдя поближе, она ткнула в него пальцем и, изображая только что пережитый испуг, объявила:

– Слава богу, успели, а то этот бандит меня убил бы. Я шла со своими друзьями, а он на нас напал. Мальчиков избил, а меня пытался изнасиловать.

– Попался, маньячила? – злобно загоготал один из «стражей правопорядка». – Долго мы тебя ловили! Теперь не уйдешь!

В этот момент Андрей почувствовал – нет, не испуг, а крайнюю, безграничную обиду на этих мразей, так гнусно его подставивших, на всех тех, кто вверг их некогда тихий, добрый,

благополучный район в зловонную трясину уголовщины, замаскированной под законность. У него перехватило дыхание, и, чтобы не заплакать, он яростно выкрикнул с болью и ненавистью в голосе:

– Да, вы хорошо сыграли свою роль, уроды, и получите за это свои иудины сребреники! Только помните: вы за это заплатите! Очень дорого заплатите! Вас уничтожат ваши же хозяева, как ненужных свидетелей. И будет для вас большим счастьем, если вы до этого успеете сесть на нары!..

– Заткнись, падла! – отчего-то вдруг занервничав, заорал прапорщик, ударив Кубышного кулаком в солнечное сплетение. – Ты сам попробуй дожить до суда! Пошли! Сейчас в подвале с тобой Яша побеседует. Посмотрим, что ты после этого запоешь!

Как сегодня утром Андрей рассказал адвокату, тем же вечером он был зверски избит Гунявым. И последующие четыре дня Цурякин регулярно избивал его, требуя подписать «чистуху» – чистосердечное признание. Поскольку Кубышный, даже подвергаясь регулярным избиениям, подписывать отказался, прошел слух, что некто из криминальной районной верхушки приказал с ним покончить раз и навсегда. Проще говоря, забить насмерть, списав гибель задержанного на «случайное падение с лестницы», что уже не раз практиковалось в Горбылевском РОВД.

– Теперь понятно, откуда на ноже отпечатки пальцев Андрея, – выслушав Людмилу, негромко отметил Гуров. – Нам нужно срочно встретиться с его адвокатом. Он местный?

– Нет, он из соседнего, Ореховского района. Наши – или козлы, лишь изображающие видимость того, что они адвокаты, или запуганные насмерть дешевки, которые шарахаются от собственной тени. – Хатырина при этих словах пренебрежительно поморщилась. – А вот в Орехове все немножко по-другому, и поэтому там среди адвокатов еще есть люди, которые остались людьми. Заговор из таких.

– Будьте добры, номер его телефона и... как там его зовут? – спросил Лев, доставая свой телефон.

Адвокат откликнулся после третьего гудка почти мулермановским баритоном:

– Я вас слушаю!

– Виталий Артемьевич, здравствуйте. – Лев говорил сдержанно и даже несколько сухо. – Вас беспокоит полковник полиции Гуров. Как бы нам с вами встретиться? Нужно обсудить некоторые моменты, связанные с задержанием Андрея Кубышного.

– Полковник Гуров? Вы не из Горбылевского РОВД? – сразу же насторожился Заговор.

– Нет, я из Москвы, в данный момент нахожусь в Горбылеве. Нас тут двое – я и полковник Крячко. Мы представляем федеральный Главк угрозыска. Мне про вас рассказала и дала телефон Людмила Хатырина.

– А-а-а, Людмила! Тогда – вопросов нет. Хорошо, давайте встретимся, – согласился адвокат. – Правда, я сейчас занят. Но часа через два освобожусь. Если не возражаете, буду ждать вас в центральном парке у монумента героям Великой Отечественной. Найти парк очень просто – как в город заедете со стороны Горбылева, так, никуда не сворачивая, и двигайтесь.

... Ближе к трем в сторону Орехова промчался серый «Пежо», резво лавируя между выбоинами на асфальте. Глядя на дорогу, Станислав Крячко не вполне печатным слогом комментировал усердие и прилежание местных дорожников, которые, судя по состоянию дороги, совсем «не ловили мышей». Промчавшись километров двадцать (если только к этому фигурному вождению уместно было бы применить слово «мчаться»), опера увидели живописную речку, через которую был переброшен старинный мост на толстых дубовых сваях.

Окинув взглядом синеющую под послеобеденным небом ленту реки и поросшие камышом крутые берега, Стас мечтательно вздохнул:

– Вот где порыбачить бы! Правда, тут со спиннингом не развернуться. Если только сетями... Но тут, чую, и сазан есть, и линь, и карась. М-м-м!.. Как-нибудь сюда заглянем?

Неспешно руля по старым дубовым плахам, истертым тысячами колес, Гуров чуть флегматично откликнулся:

– Будет время – заглянем... Я сейчас думаю вот о чем: если Загоров знает «потерпевшую», ее приятелей и тех ментов, что задерживали Кубышного, то наша задача тогда упрощается максимально. А вот если он их не знает, тогда – хреново дело. Нам придется потратить на их поиски времени – о-го-го!

Слушая его, Крячко скептически хмыкнул:

– Считаешь, что их можно было бы раскрутить на чистосердечное? Сомневаюсь... Это, если только их как следует «угговорить»... – стиснул он свои крепкие угловатые кулаки, коротко двинув ими так, будто собирался нанести удар.

– Нам, главное, узнать, кто они и где живут, а остальное приложится. Это уже будет проще... Вот идиот! – резко свернув на обочину, чтобы разминуться с шедшей им в лобовую большой, черной «бэхой», сердито бросил Гуров.

– Ну а если Загоров информацией о подставщиках не располагает и нам найти их не удастся... Что тогда будем делать? – с некоторым даже вызовом спросил Станислав.

– Снимем штаны и будем бегать вокруг Горбылева – что нам еще останется?! – в тон ему ответил Лев. – Понятное дело, будем копать везде, где только можно. Что-нибудь да найдем. Кстати, ты обратил внимание на номер этой чертовой «бэхи»?

– Нет. А что? – Стас резко оглянулся назад, поймав взглядом «немку», оставшуюся далеко позади.

– Номер очень примечательный, представленный всего одним словом: «ПШЕЛНАХ». Тебе оно ни о чем не говорит? – тоже глянув в салонное зеркало заднего вида, сердито рассмеялся Гуров.

– А-а-а! Да, недавно от кого-то слышал. Это номер тачки какого-то мажора, который в Горбылеве уже нарисовался... Слушай! А что, если этот хмыреный и есть тот маньяк, которого прикрывают здешние уроды, сцапав Кубышного? Надо будет поискать информацию о том, когда были совершены убийства, и сопоставить с датами визитов этого «пшелнаха» в Горбылево. Как считаешь?

– Да, его возможную причастность проверить не мешает, но... Вряд ли мы сможем добыть информацию о том, в какие дни и часы этот тип бывал в Горбылеве. Откуда? У кого? У нас еще и Табалик-младший под вопросом, как возможный организатор провокации... И по нему тоже нужна бы информация... Понятное дело, если бы нам удалось найти хоть что-то существенное, ставящее под сомнение версию виновности Кубышного, мы тогда смело могли бы рассекретиться, а Петро имел бы право вмешаться в ход расследования по племяннику и ставить вопрос о его освобождении...

Глава 5

Вскоре они катили по улице Орехова, вдоль которой тянулись ряды пятиэтажек. Даже на первый взгляд было заметно, что этот город существенно больше Горбылева. Здесь проживало не менее сорока, а то и пятидесяти тысяч человек. Увидев в просвете улицы высокую арку с надписью: «Городской парк культуры и отдыха», Гуров буднично констатировал:

– Ну, вот мы и приехали. Осталось найти Загорова.

Они оставили «Пежо» на стоянке у входа в парк и, пройдя через фигурные кованые ворота, зашагали к виднеющемуся за деревьями монументу, представлявшему собой высокую стелу со звездой на вершине, у основания которой стоял каменный танк ИС и фигуры нескольких бойцов, бегущих в атаку. Подойдя поближе, опера увидели на одной из лавочек у фонтана высокого худого мужчину средних лет в костюме песочного цвета. Лишь взглянув на него, оба, не сговариваясь, определили:

– Он!

Это действительно был адвокат Виталий Загоров, который при появлении оперов поднялся с лавочки и шагнул им навстречу. Обменявшись приветствиями, они отошли в тень аллеи и, найдя место побезлюднее, уже втроем оккупировали обнаружившуюся там единственную садовую скамейку старинного фасона с литыми ножками и выгнутой спинкой из деревянного бруса.

– Готов вас выслушать и ответить на все ваши вопросы, – положив ногу на ногу и откинувшись к спинке скамейки, деловито произнес Загоров.

– На ваш взгляд, каковы перспективы того, что на суде вам удастся добиться оправдательного приговора? – столь же деловито поинтересовался Гуров.

– Перспективы-то неплохие, если речь вести о суде... – грустно усмехнулся адвокат. – Но в Горбылеве, скорее всего, будет не суд, а судилище, где факты и доказательства игнорируются, а приговор выносится, исходя из пожеланий заказчика и размера взятки. Но, учитывая то обстоятельство, что Кубышный, несмотря на зверские избиения Цуракиным, так и не сломался, так и не подписался под собственным приговором, суда может и не быть. У меня есть серьезные опасения в плане того, что парень до суда может не дожить. В один из ближайших дней мы рискуем узнать о том, что подозреваемый в серии изнасилований и убийств, будучи одолеваемым угрызениями совести, покончил с собой, повесившись в камере.

– А как зовут «потерпевшую» и ее приятелей, как зовут тех двоих полицейских, что задерживали Кубышного, я так понял, вы не знаете? – спросил Крячко.

– К сожалению, нет... – развел руками Загоров. – Я только сегодня утром впервые смог увидаться со своим подзащитным. О как! Представляете? И то лишь благодаря тому, что включил на всю мощь голосовые связки, пригрозив, что если мне опять откажут, ссылаясь на некие «интересы следствия», то сегодня же обращусь в областную прокуратуру и даже дойду до Москвы. Только после этого, не знаю, с кем созвонившись, начальник горбылевской полиции мне такое разрешение дал.

– То есть засекреченность «потерпевшей» и всех прочих участников тогдашнего фарса определяется именно «интересами следствия»... – понимающе кивнул Лев. – Но тогда, следуя логике событий, эти пятеро тоже рискуют досрочно отправиться в мир иной. Они знают слишком много, и поэтому потенциально опасны...

– Да, нельзя исключать и этого, – подтвердил адвокат. – В наших краях иной раз случается такое, что вообще ни в какие ворота. Года четыре назад в Горбылеве я защищал одного парня, которого обвиняли в краже крупной суммы денег у одного предпринимателя. Не буду углубляться в детали, но «гвоздем» обвинения был некий свидетель, на показаниях которого

строилось все обвинение. Мне удалось найти доказательства того, что свидетель нагло врет. Следуя нормальной логике, обвиняемого должны были бы отпустить, лжесвидетеля – посадить.

– Само собой разумеется... – кивнул Лев.

– Но это с точки зрения нормальной логики! – Загоров безнадежно махнул рукой. – А тут – какая может быть норма? Как я сейчас понимаю, в том, чтобы обвиняемый был осужден, почему-то кровно был заинтересован сам «потерпевший». И вот, как только стало ясно, что «свидетеля» могут «расколоть» и дело рассыплется, на него напали неизвестные хулиганы и проломили ему голову. Он умер, не приходя в сознание, а суд продолжился, и, хотя я доказывал, что показания «свидетеля» были ложными, моего подзащитного все равно посадили на пять лет. Слава богу, мне удалось добиться хотя бы общего режима. Им что ни говори, они мне свое: показания мог бы опровергнуть тот, кто их дал, но поскольку его нет и опровергнуть некому, обвиняемый автоматически признается виновным. Здесь такое – сплошь и рядом.

– Хм... – участливо взглянул на адвоката Крячко. – Но тогда, выходит, при таком судебном беспределе вам самому может угрожать опасность? Раз вы достаточно жестко беретесь защищать Кубышного, значит, тоже представляете опасность для тех, кто верховодит в Горбылеве?

– Разумеется... – Загоров щелчком сбил сухой листик, упавший с дерева на его рукав. – Мне сегодня уже намекнули, что я чрезмерно «рву удила», защищая «всякую мразь, не заслуживающую снисхождения». Да, риск определенный есть. Ну а кто сегодня не рискует? Все мы в той или иной степени «на мушке» у нашей судьбы...

По просьбе оперов адвокат в общих чертах обрисовал ситуацию по области. С точки зрения Загорова, областное руководство всячески выстраивает свою политику в русле некой «стабильности местного формата», когда якобы «и волки сыты, и овцы целы». Однако эта «стабильность» уже давно обратилась в затхлый застой, когда думают одно, говорят другое, а делают третье, когда за фальшивой ширмой «умеренного благополучия» процветает коррупция, когда все сущее решается не по закону, а «по понятиям».

– ...У нас уже давненько сформировались параллельные «серые» структуры управления, – сцепив пальцы рук, неспешно повествовал Загоров. – Это напоминает армейскую дедовщину, когда бездарный офицер поощряет старослужащих на полный произвол. Вроде того, делайте в расположении роты все, что хотите, но чтобы кровати были заправлены идеально, полы были отдраены, дневальный стоял на тумбочке. Чистейшей воды формализм! Ему плевать на то, что старослужащие бесчинствуют и куражатся над новичками. Главное – чтобы показуха была на высоте. Вот то же самое и в наших краях. Правда, в Орехове чуть получше – тут хозяин крепкий, он властью делиться ни с кем не собирается. Сам рулит, сам все вопросы решает. Конечно, не без огрехов, но в целом все местные «элиты» держит в кулаке. В том числе и криминальную. А вот в Горбылеве, во многих других районах тамошние главы – «не пришей кобыле хвост». Мало того, что сами хапуги, каких поискать, так помимо них еще и организованный криминал урывает свою немалую долю.

– В смысле, «распил» бюджетных денег? – уточнил Гуров.

– Не только! Все управляющие компании в том же Горбылеве – это мафиозные шарашки, которые, ни хрена не делая, дерут семь шкур за коммунальные услуги. Года три назад все системы водоснабжения сел отдали на откуп некоему предпринимателю Халюжину. Он тут же вдвое взвинтил цену на воду, причем с пересчетом за прошедшие два года. Некоторым сельским жителям принесли квитанции к оплате, где значились суммы в тридцать-сорок тысяч! Понятное дело, народ возмутился, в прокуратуру и суд посыпались заявления. Но он сумел отбрехаться, мол, водопроводные сети изношены до предела, а чинить их не на что. По десятке все же содрал. А через год куда-то бесследно исчез. Причем, как оказалось, не заплатив энергетикам за работу глубинных насосов. Пришлось людям опять раскошелиться, чтобы вообще не остаться без воды.

Рассказал Загоров и про такое явление, как «стипендиаты криминальных общаков». По его словам, еще в начале двухтысячных организованный криминал начал практиковать отправку на учебу в юридические вузы перспективных выпускников школ, которые учились там на средства из воровских общаков. Оплачивалась не только сама учеба, но и дальнейшее трудоустройство новоиспеченных юристов.

– ...Мало кто знает, что трое помощников горбылевского прокурора и его зам Шадряк – «общаковские стипендиаты». Есть там уже несколько судей и в мировом, и в городском суде – тоже «стипендиаты». Знаю двоих следов из числа «стипендиатов» – эти работают у нас, в Орехове. Официально числится на государственной службе, на самом деле они работают на организованный криминал. Теперь понимаете, почему в наших краях творится такой беспредел? У криминала схвачено очень многое. Дело адвоката Терразини из итальянского фильма «Спрут» живет и побеждает на нашей земле.

– Выходит, что и поборы в горбылевских школах – это тоже, надо понимать, своего рода подготовка криминальных «кадров»... – резюмировал Гуров.

– Разумеется! – Загоров невесело рассмеялся. – Это грузинская система, возникшая еще во времена Гамсахурдии. Организованный грузинский криминал, который и сегодня очень даже не слаб, с начала девяностых взял под свою опеку все тамошние общеобразовательные школы. Главари ОПГ, криминальные авторитеты, вору в законе в местных СМИ стали превозноситься как национальные герои, как Робин Гуды, противостоявшие «русскому империализму», «русским оккупантам». Поэтому каждая школа формировалась как некая криминальная единица, где абсолютно все – от первоклашки до директора – ежемесячно делали взносы в общак. Уклонение от такой дани порицалось и воспринималось как предательство национальных интересов. Там эта система была обкатана, отработана, а теперь стала использоваться и у нас. Кстати, мои коллеги из некоторых сибирских регионов рассказывали, что и у них уже немало школ, где верховодит уголовщина. Куда смотрят власти – не понимаю. Но не удивлюсь, если все те губернаторы, что поощряют криминал, – из числа тайных сторонников СШС, то есть Соединенных Штатов Сибири. А эта криминальная «педагогика» – их, так сказать, вклад в развал России.

– Вот уроды! Да-а-а, поневоле придешь к выводу, что нужен второй Сталин... – сердито проворчал Крячко.

Спросили приятели и о том, знает ли Загоров владельца «бэхи» с номером «ПШЕЛ-НАХ», что может сказать о Табалике-младшем.

– Наслышан об обоих... – кивнул тот. – Хотя лично не знаком. Насколько я знаю, хозяин «БМВ» – сын от первого брака горбылевского главы Тыркина. Проживает здесь, в Орехове, с матерью. У папаша теперь другая жена – на двадцать лет его моложе. Что собой представляет Тыркин-старший? Мразь, каких поискать. А сынок в полной мере оправдывает пословицу о том, что яблочко от яблоньки недалеко падает. Папаша его нехило обеспечивает. И «бэху» купил, и баблом снабжает выше крыши. Вот он и мотается в Горбылево развлекаться. Проще говоря, кобелировать. Примерно то же самое и Табалик – слюнтяй и слизняк, без цели в жизни и «царя в голове».

– А не кто-то ли из этих двоих «развлекается», совершая серийные насилия и убийства? – заинтересовался Станислав.

– Трудно сказать... По идее, тем же Тыркиным должна бы заинтересоваться полиция. Но кто посмеет покуситься на сына лучшего друга вице-губернатора? Да и у Табалика-старшего связи не слабые. Впрочем, что-то мне подсказывает, что... Дохловаты они характером для того, чтобы быть реальными мокрушниками. Подленькие оба, гнусенькие. Но... Нет, это не они! Процентом на восемьдесят уверен.

Обсудив еще кое-какие вопросы, согласовав с Загоровым свои планы на ближайшие дни, опера направились к выходу из парка. Адвокат на прощание пообещал им сегодня же собрать

хоть какую-то информацию о жертвах маньяка и передать ее по телефону или по электронной почте.

Неспешно обсуждая только что услышанное, приятели шагали по дорожке с покрытием из специального мягкого асфальта. В какой-то момент, повинуясь какому-то подсознательному внутреннему импульсу, Лев оглянулся и, взглянув вслед адвокату, шагающему где-то уже в конце аллеи, тут же замер, словно с размаху наткнулся на какую-то невидимую стену.

– Стас, глянь туда! – толкнув приятеля в плечо, указал он взглядом в сторону Загорова. – Видишь какого-то лабуха в синей бейсболке, который тащится следом за Виталием? Что-то он мне не нравится. Ну-ка, давай проследим, чего он там замышляет...

Резко развернувшись в обратную сторону, опера ускоренным шагом поспешили следом за подозрительным пешеходом. Свернув на параллельную аллею, они почти бегом преодолели большую часть отрезка пути, отделявшего их от непонятного типа, после чего снова вернулись на прежний маршрут, оказавшись совсем близко от него. Тот, ничего не подозревая, словно привязанный следовал за Загоровым, который быстро шагал по городской улице, направляясь к кварталу старинных домов.

Перейдя через перекресток, адвокат проследовал к арке ворот, встроенных в первый этаж длинного двухэтажного здания. Неизвестный в синей бейсболке тут же, ускорив шаг, ринулся следом за ним. Догнав Загорова уже ближе к середине этого кирпичного «туннеля», он левой рукой крепко схватил его за ворот пиджака, одновременно замахиваясь правым кулаком с надетым на пальцы массивным свинцовым кастетом. Но нанести удар не успел, поскольку в этот же момент сам получил по голове резкий, оглушительный удар.

Выпустив адвоката, преследователь дернулся, чтобы развернуться назад и дать отпор тому, кто посмел его ударить, но две пары сильных мужских рук, жестко схвативших его с обеих сторон, с размаху припечатали спиной к кирпичной стене подворотни, и чей-то басовитый голос сурово спросил:

– Жить хочешь?

Увидев перед собой двоих дюжих граждан с весьма неласковым выражением лица, обладатель синей бейсболки отчаянно струсил и, ощутив внезапную слабость в коленках, усердно закивал – да, да, да! Конечно, конечно! Он хочет, он очень хочет жить! Загоров же, увидев своих недавних собеседников, несколько мгновений пребывал в полном ступоре.

– Вы?! – удивленно выдохнул он. – А-а-а... что вы здесь делаете? Как вы здесь оказались?

– Да вот, заметили, как этот милый юноша начал вас преследовать, и решили немного подстраховать. Как говорится, мало ли чего? А вдруг?! – Крячко смерил преследователя изучающим взглядом. – Тебя, дружок, кто подослал? Ну, какова была задача – нам и так ясно: ты собирался убить Виталия Артемьевича. Так?

– Я... Я ничего не знаю! И никого убивать не собирался! – неожиданно начал дергаться преследователь, сбросив с пальцев руки кастет, который с глухим стуком упал на асфальт. – И у меня ничего нет! Че вы ко мне пристали?! Полиция! – заорал он, но тут же захлебнулся собственным криком, получив в солнечное сплетение крайне болезненный тычок торцом твердых, как стальной прут, пальцев Станислава.

– Тут поблизости есть какое-нибудь укромное место, чтобы там можно было предметно побеседовать с этим «деловым»? – вопросительно взглянул на Загорова Лев.

– Ну-у, где? Например, здесь, во дворе, за гаражами... – пожав плечами, ответил тот, как видно, все еще пребывая в состоянии перманентного шока. – Но вас, наверное, это не устроит?

Скорее всего, только в этот момент он начал осознавать, что, если бы не внезапное появление его недавних собеседников, лежать бы ему сейчас бездыханным трупом с проломленным затылком.

– Устроит, устроит! – Гуров дернул задержанного за руку. – Ну а ты – вперед, и без фокусов!

Они вчетвером быстро прошли через двор и, не задерживаясь ни на мгновение, чтобы не привлекать внимания случайных свидетелей, скрылись за длинным рядом «ракушек», своим тылом примыкающих к ограждению из высоких железобетонных плит. Здесь, в не слишком широком проходе, усилиями местных грязнуль превращенном в стихийную свалку, накопились изрядные горы всевозможного мусора.

– А чего это вы меня сюда приволокли? – настороженно озираясь по сторонам, заволновался преследователь. – Что вы собираетесь делать? Учтите: я буду звать на помощь! Помо... – заорал он, но очередное соприкосновение его живота с железом сильных, твердых пальцев чужой руки вынудило его прервать этот вопль.

– Тихо! Мы собираемся побеседовать с тобой по душам. Так сказать, родить истину, – для чего-то подобрав с одной из мусорных куч три стеклянные бутылки – чекушку, пол-литровую и из-под шампанского, ответил Станислав. – Ты же согласен на откровенность?

– Че борзее-то? Какая откровенность?! С какого хрена? – еще пуще занервничал задержанный. – Кто вы такие, чтобы меня допрашивать? Да вы знаете, с кем будете иметь дело?

– О-о-о... Да ты, я вижу, нас пострашать задумал? – иронично рассмеялся Лев, разглядывая преследователя в упор. – Как говорят в народе, никого не пугай и сам бояться не будешь. Что, герой, когда намеревался убить человека, который лично тебе ничего плохого не сделал, страшно не было?

– Вот именно! – Крячко зловеще улыбнулся. – Там он был грозный и неустрашимый. А теперь, похоже, сейчас будут полны штаны. Ты, голубок, своими хозяйчиками нас не пугай. Нам-то чего бояться? И не таких в бараний рог загибали. А вот тебе кое о чем сейчас задуматься придется...

Он говорил, задумчиво перебирая в руках бутылки, и это зрелище отчего-то очень неприятно начало тревожить задержанного. А Стас, выдержав паузу, продолжил:

– Вот смотри: у меня есть целых три «стимулятора откровенности», которые язык развяжут всякому, стоит ему присесть голый задницей на какой-то из них для плодотворного творческого раздумья... – Он показал окончательно раскисшему преследователю пустую чекушку: – Этот «стимулятор» – самый щадящий, у него диаметр небольшой, разрывов быть не должно. Вот этот – побольше, тут без разрывов не обойдется. Ну а этот «стимулятор» – самый надежный и эффективный: если его загрузить в твой «воспитательный портал», ты расскажешь даже то, о чем и сам-то ранее не ведал, – поднес Стас к самому носу задержанного бутылку из-под шампанского. – Я надеюсь, ты не полный идиот и сам догадываешься, что сейчас с тобой может случиться?

Тот, позеленев, отшатнулся и, заикаясь трясущимся ртом, выпалил:

– Не имеете права! Пытки запрещены Женевской конвенцией! Пойдете под суд!

– Под суд? – с оттенком сочувствия переспросил Стас. – Ты это серьезно? Не помогут тебе ни суд, ни паханы. Ведь после того, как хирурги заштопают твою задницу, своих боссов ты будешь интересовать исключительно как обитатель «петушиного угла» камеры. Ну все! Хватит пустой болтовни – времени у нас в обрез. Отвечай коротко и внятно: за что ты собирался убить этого человека и кто тебе это поручил? Молчишь? Ну, тогда пеняй на себя.

Спокойно и даже деловито Крячко расстегнул ремень его джинсов. Испуганно сжавшись в комок, задержанный отшатнулся назад и плаксиво выдавил из себя:

– Не собирался я его убивать, не собирался! Мне и велено было его не убивать, а просто слегка оглушить. Типа, намекнуть, чтобы в одном тут деле он не слишком усердствовал.

– Это ты о деле Андрея Кубышного из Горбылева? – несколько отстраненно наблюдавший за этой сценой, спросил Загоров.

– Вроде бы... – хлопнув носом и пожав плечами, нехотя ответил преследователь.

– Слегка оглушить трехсотграммовым кастетом?! Какой ты добрый! Ты кого тут за идиотов принимаешь? – Крячко едко прищурился. – Этой болванкой человеку можно полчерепа

разнести! Кто заказчик? Чего опять замолк? Я спрашиваю: кто тебе заказал «слегка оглушить» этого человека? Ладно! – Он расстегнул его джинсы, и они упали, открыв широченные цветастые трусы-«семейки» и кривоватые волосатые ноги.

– Не надо! Я скажу...

– Вот и отлично! – одобрил Гуров, включая свой телефон на режим видеосъемки. – Начнем с тебя самого. Итак, фамилия, имя, отчество, кличка, год рождения, домашний адрес, номер сотового?

– Вудрищев Павел Степанович, погоняло Шампур, девяностого года, живу на Фадеева, одиннадцать, квартира десять... – кривясь и морщась, заговорил парень.

Как далее явствовало из ответов Шампура, месяца полтора назад он «откинулся с зоны», где отбывал три года общего режима за сбор, хранение и сбыт конопли. Вернувшись домой, Вудрищев, не без протекции тутошних «авторитетов», устроился старшим охранником в одну из местных шарашек. И все бы ничего, но его подвела тяга к горячительному. Дважды попавшись «подгазованным» хозяину конторы, на третий раз он вылетел с работы в двадцать четыре часа. Не помогло и заступничество паханов. После этого какое-то время он перебивался мелкими шабашками и столь же мелкими кражами. И вот на днях ему предложили «нормальное пацанское дело». Шампуру нужно было совершить нападение на «фраера-адвокатишку», который «корчит из себя правильного законника» и не желает решать серьезные вопросы «по понятиям».

– ...Я тут в одну блатхату заглянул на Замостной, там ко мне подошел один очень серьезный авторитет, пообещал пятьсот баксов, если подпишусь на это дело, – перейдя почти на шепот, повествовал Шампур, особо выделив «очень серьезный авторитет».

– А «авторитет» – это кто? – снова заинтересовался Загоров. – Боинг или Аксакал?

– Раптор... – чуть слышно произнес Вудрищев.

– Что-о?! – язвительно рассмеялся адвокат. – Раптор – авторитет?! Ну, тогда я – римский папа. Знаю я этого «авторитета», и хорошо знаю. Ну, был он на зоне «отрицалой», двинули его в «положенцы»... Но только его почти сразу же за что-то вышибли из кандидатов. Так что никакой он не авторитет, а фуфловая дешевка. Для такого баклана, как ты, он, может быть, и авторитет, но только не для тех, кто и в самом деле в криминальной среде считается авторитетом.

Озадаченный такой осведомленностью Загорова, Шампур растерянно захлопал глазами и уже даже не сказал, а почти проблеял свое несогласие с оценками адвоката. Вроде того, «не фраерам судить, кто есть настоящий авторитет, а кто – фуфловый».

– А Раптор в связи с чем мог дать заказ на то, чтобы этот оболтус совершил на вас нападение? – Лев с иронией указал взглядом на Вудрищева. – У него самого могли быть к вам какие-то претензии, или, может быть, его об этом попросили из Горбылева?

– Думаю, что заказ мог быть сделан только оттуда, – уверенно ответил Загоров. – С Раптором, он же Рупотин Альберт, у меня никаких контактов не было. Так же, как и с этим типом – вижу его впервые. Кстати, что с ним думаете делать дальше?

– Что делать? – Стас безмятежно улыбнулся. – Да пусть катится на все четыре стороны. Он же не идиот, чтобы рассказать кому-либо о своей откровенности на камеру? А? Что скажешь, Паша?

Не сразу сообразив, что эти непонятные люди его отпускают, Шампур некоторое время стоял с вопросительно приоткрытым ртом. Наконец, уяснив суть услышанного, осторожно поинтересовался:

– А я че, и взаправду могу идти?

– Иди, иди... – Лев небрежно махнул рукой, указывая на просвет между тылом гаражей и стеной из железобетонных плит. – Ты нам больше не нужен.

Вудрищев поспешно натянул штаны и трясущимися руками застегнул ремень.

– Это... А кастет? – спросил он, сделав пару шагов.

– Чего-о-о?! Тебе, может быть, еще литруху водки и бабу голую подарить? – саркастично хохотнул Крячко. – Кастет с твоими отпечатками останется у нас. И если, не дай бог, ты надумаешь опять сотворить что-нибудь дебильно-уголовное, сядешь в один миг, к тому же по совокупности с сегодняшним. Гарантирую: мало не покажется. Особенно если видео твоего допроса без штанов окажется в Интернете.

– По... Понял! – Торопливо кивнув в ответ, Шампур антилопой помчался прочь.

Выходя из-за гаражей, Лев озабоченно нахмурился и с некоторым сомнением в голосе произнес:

– Судя по тому, как начали развиваться события, некоторые свои планы, похоже, нам придется изменить.

– Имеешь в виду нападение Шампура? – догадался Стас.

– Вот именно! Я не очень уверен в том, что местный криминалитет оставит Виталия Артемьевича в покое и не захочет прислать вместо недалекого полудурка Вудрищева кого-нибудь посерьезнее.

– Считаете, что нападение может повториться? – задумчиво спросил Загоров.

– Эту ситуацию я вижу в таком ракурсе... – Лев сделал небольшую паузу. – Горбылевский криминалитет решил от вас избавиться и хорошо заплатил за ваше устранение здешним главарям. А эти «умники», решив сэкономить, через посредника в лице Раптора наняли абы какого киллера. Но Шампур своей задачи не выполнил, а деньги им возвращать будет жалко. Поэтому я допускаю вероятность и второй попытки. Кстати, нельзя исключать и использования снайпера.

– И тогда как же мне быть? – Адвокат невольно окинул взглядом крыши соседних домов.

– Все очень просто... – Гуров взглянул на часы. – Мы сейчас со Stanisлавом Васильевичем, заручившись согласием генерала Орлова, едем прямо к начальнику горбылевской полиции и, что называется, нахрапом ставим вопрос о законности задержания Кубышного. И ставить будем крайне жестко, чтобы жизнь этому долбаному оборотню медом не показалась. В случае чего дадим побеседовать по телефону с Орловым, тот его в момент вразумит. Теперь мы уже наверняка знаем, что Андрей не маньяк, что его задержали незаконно, устроив дешевую постановку с участием сотрудников полиции. В общем, как говорится, карты на стол, господа!

– Да, с учетом реальных обстоятельств, думаю, это достаточно сильный и, наверное, единственно эффективный ход, чтобы разом переломить ситуацию... – немного подумав, согласился Загоров. – Ну а мне в таком случае, надо полагать, следует находиться дома не менее чем до завтра?

– Да и вашим домочадцам тоже, – добавил Крячко. – Ну что, нам пора?

Выйдя на улицу, приятели поспешили к парку, где их дожидался оставшийся в одиночестве «Пежо». Подойдя к авто, первым делом Stanisлав обошел его со всех сторон и даже заглянул под днище – не установлено ли там чего-нибудь взрывчатого? Понаблюдав за ним, Лев негромко заметил:

– Думаю, машина не заминирована. По-моему, пока еще не настал этап для этого, так что садись и не напрягайся...

Развернувшись, он направил машину в обратную сторону. Когда, покинув пределы Орехова, покатали по дороге в сторону Горбылева, Крячко, доставая телефон, прокомментировал свои размышления о ситуации в этих краях:

– Много я всяких гадючников видел, но такой – впервые! Надо звонить Петрухе – что он скажет?..

– Давай! – одобрил Лев, посматривая в салонное зеркало на большегрузный тягач-длинномер, который немедленно увязался за ними, едва они покинули пределы города.

Судя по скорости хода, эта машина шла порожняком, причем шофер явно куда-то спешил – тягач мчался, невзирая на рытвины и колдобины. Это Гурову показалось подозрительным, и он тоже на всякий случай прибавил ходу. Вслед за ним прибавил ходу и тягач. Теперь Лев был почти уверен в том, что этот большегруз идет за ними не случайно.

«Ну а что? – подумалось ему. – Очень даже может быть, что его послали по нашу душу. Это в Китае за ДТП со смертельным исходом могут даже расстрелять, а у нас в этом смысле сплошные либеральные свободы: дави – не хочу! Даже при самом хреновом раскладе больше восьми лет не дают. И кого этим напугаешь? Какой-нибудь обормот в карты проигрался, ему предлагают шанс откупиться: давани кого прикажем, и ты свободен. Очень даже реальный вариант. Да-а-а... Что-то мне этот тягач не нравится все больше и больше. Оч-чень не нравится!»

Станислав, связавшись с Орловым, в самых общих словах рассказал ему о событиях минувшей ночи и второй половины текущего дня. Слушая его, Петр несколько раз непечатно выразился, когда тот рассказал про задержанного ими поджигателя, а также об убийстве Балыка, который сгорел в собственной машине. Да и только что предотвращенное убийство адвоката равнодушным его не оставило. Он полностью согласился с тем, что операм и в самом деле нужно «рассекретиться», чтобы опередить события и не позволить местной отморози расправиться с его племянником.

– Даже если они Андрея и не отпустят, убить или покалечить уже не посмеют. Держите меня в курсе происходящего и если что – звоните немедленно! Вы сейчас в Горбылево едете? Как у вас там, все нормально?

– Да, все замечательно, – с беспечными интонациями заверил Крячко, – если не считать того, что сейчас за нами гонится «Катерпиллер» с прицепом.

– Что-о-о?! – свирепо выдохнул Орлов. – Как это – гонится?! То есть надо понимать так, что этот большегруз преследует вас с явным намерением устроить ДТП с тяжкими последствиями?! Сейчас же позвоню в областное УВД, чтобы немедленно приняли меры! Совсем обнаглели, уроды!

– Не надо, не надо – пусть гонится! Скорее всего, тот, кто сидит за рулем тягача, наверняка воображает, что мы на него внимания еще не обратили и его умыслы для нас бо-о-о-ольшой секрет. Черта с два! Ситуация полностью под нашим контролем. Сейчас где-нибудь возьмем этого гонщика за жабры и вытряхнем из него много чего интересного и важного. Не переживай – все будет «хокей»!

– Ну, хорошо! – нехотя согласился генерал. – Конечно, вам самим виднее, что там и как, но только смотрите, не заиграйтесь в эти опасные кошки-мышки. Криминалитет вовсе не глуп, и, организовав эту погоню, он – я больше чем уверен – подготовил и какие-то запасные варианты. Имейте это в виду!

Когда Стас закончил разговор, Лев спросил, не отрывая взгляда от дороги, весьма богатой рельефом на этом участке:

– Что там Петро? Опасается, что мы проморгаем чей-то «козырь из рукава»? Не проморгаем... Этого типа близко к нам я не подпускаю и смотрю внимательно, не появится ли где-нибудь впереди какой-нибудь его напарник. Пока никого нет... Есть у меня два варианта, как превратить этого «охотника» за нами в нашу «дичь».

– Не, ну ты глянь, как он гонит!.. – оглянувшись в сторону отчаянно прыгающего на рытвинах тягача, злорадно рассмеялся Крячко. – Кирдык его ходовой! Так что там у тебя за варианты?

Продолжая выписывать на дороге зигзаги и змейки, Гуров неспешно изложил свое видение того, как нейтрализовать возникшую угрозу. На одном из второстепенных перекрестков с каким-нибудь проселком можно было бы резко свернуть с этого, мягко говоря, шоссе и полевыми дорогами выйти к пойменным складкам местности. Как Лев успел заметить, когда они

еще ехали в Орехово, берег этой речки, именуемой Сазанкой, со стороны Ореховского района был достаточно высоким и сильно изрезанным балками и оврагами.

Выбрав подходящий участок дороги с большими перепадами на подъемах и спусках, можно было заманить тягач на такой участок, где бы он был вынужден двигаться на минимальной скорости. И тогда, зайдя ему в тыл, кому-то из них можно было бы взобраться сзади на прицеп, добежать до кабины и взять шофера на «мушку».

Второй вариант был чуть проще. В этом случае, излагал Гуров, им нужно было оторваться от тягача (хотя они уже и так шли под сотню по аварийной дороге) на пару километров. В том месте, где к дороге вплотную примыкают дикие заросли кустарников, надо накидать на проезжую часть какого-нибудь сушняка, камней и тому подобного, чтобы тягач опять-таки там притормозил. Остальное – как и в первом варианте: забраться в прицеп и...

– Что думаешь? Захват водилы, если ты не возражаешь, беру на себя. А ты на «Пежо» поедешь перед «Катерпиллером», отвлекая на себя его внимание. Как?

– Ну, первый вариант мне почему-то нравится гораздо больше, – оглянувшись назад, пожал плечами Стас. – Хотя я не уверен, что большегруз потащится за нами по проселкам – догнать нас там ему точно светит. Но именно из-за этого-то проблемного момента я и голосую за второй вариант, где водилу, кстати, беру я. А ты едешь перед ним, отвлекаешь на себя его внимание... Между прочим, до моста осталось километров пять, не больше. А там впереди – отличные заросли, самое место для засады.

– Хорошо, прибавим ходу! – сказал Лев, и «Пежо», нарастив обороты, лихо помчался по дороге, то и дело попадая колесами в колдобины, которые на такой скорости объехать не всегда представлялось возможным.

Тягач, выбрасывая толстую струю синего дыма, тоже на форсаже попытался прибавить ходу, однако, судя по всему, с учетом дорожных условий, он уже и так шел на пределе. Но когда до придорожной «зеленки» оставалось не больше километра, откуда-то из-за поворота навстречу операм вылетел здоровила «КрАЗ», который волочил за собой многометровый трейлер, на котором, вихляясь из стороны в сторону, стояли два явно не закрепленных железнодорожных контейнера, заполненных чем-то очень тяжелым.

– Во-о-н оно чего задумали криминальные стратеги! – протянул Гуров, сразу поняв суть замысла тех, кто устроил на них эту охоту.

Теперь назад им уже не развернуться – там поджидает скачущий по кочкам «Катерпиллер», вперед не проскочить – КрАЗ со своим опасным грузом летит прямо на них. И даже если они, увернувшись от лобового столкновения, попробуют проскочить мимо, тому достаточно будет резко вывернуть руль влево или вправо, и оба контейнера свалятся прямо на «Пежо», расплющив его в лепешку. С дороги съезжать тоже рискованно – склоны насыпи сыпучие и очень крутые, да и густо поросшие дикой порослью вяза и клена. Легковушка не осилит проломиться через их стену, и они окажутся более чем удачной мишенью для падающих контейнеров. Конечно, есть вариант самый простой – бросив машину, уйти в поле. Но... и своего «француза» жалковато – сколько раз он выручал! Да и пасовать перед подобной угрозой было недостойно и опера, и просто мужика. На принятие единственно правильного решения оставались считанные секунды.

– Стас, оружие к бою! – увидев впереди проселочную дорогу, примыкающую с правой стороны к этому утиль-шоссе, выкрикнул Гуров.

Приятеля уже давно научились понимать друг друга без лишних пояснений, поэтому Крячко, выхватив свой пистолет, лишь спросил:

– Колеса или водила?

– Левое! – коротко пояснил Лев, чуть пригнувшись к рулю.

Теперь уже было ясно, как дважды два, что сидящие за баранкой этих большегрузов кем-то были посланы для того, чтобы их убить. Формально исполнители воли бандитов просто

ехали по шоссе, поэтому стрельба даже по колесам в этой ситуации запросто могла быть представлена как явное превышение служебных полномочий. Но деваться было некуда. Между легковушкой и тяжеленным тягачом расстояние сокращалось стремительно. Двести метров, сто пятьдесят, сто...

Высунувшись в окно, Стас трижды нажал на спуск пистолета. Но уже после первого выстрела переднее левое колесо «КраЗа» лопнуло, как говорят в шоферской среде, «на выстрел», вспучившись ошметками рваной резины. Тягач тут же резко завалился влево и на полном ходу ухнул под откос, вскинув к небу колеса. Перевернулся и трейлер, а свалившиеся с него контейнеры покатались вниз, громяхая на всю округу.

Взяв несколько левее, Гуров объехал выступающий на обочину край прицепа перевернувшейся машины и снова прибавил ходу. «Катерпиллер», успевший наверстать свое отставание, был от них всего метрах в двухстах. Торжествующе рыча мотором и выбрасывая фонтан дыма, он продолжал наращивать скорость. Но гонка по шоссе закончилась сразу же, как только Гуров на полном ходу свернул вправо, на проселок. С трудом успев притормозить, «американец» немедленно повернул следом.

– Ого! – рассмеялся Станислав, глядя через заднее окно на мчащийся следом большегруз. – Он что, всерьез рассчитывает догнать нас по бездорожью и замять под себя? Кстати, Лева, а ты-то чего свернул сюда? Мы бы от него оторвались, что называется, «одной левой»...

– От него оторвались бы – да, но впереди мост. – Лев тоже взглянул через салонное зеркало на преследователя, вполне резво скачущего по бугристому проселку. – И какие сюрпризы могут быть там – остается только догадываться. Кстати, он свернул, мне так кажется, не с «больной головы», не удивлюсь, если у него в кабине окажется кто-то еще, к тому же вооруженный. Зараза, стекла у него тонированные, ни хрена не видно – один он там или с пассажиром...

– Думаешь? – с сомнением в голосе произнес Крячко.

– Предполагаю. Это единственное, что объясняет его погоню по проселку. Сейчас мы удаляемся от трассы. Когда заедем в достаточно глухое место, в дело может вступить стрелок. Одной автоматной очереди хватит, чтобы уложить нас обоих. Потом машину плющат, закапывают где-нибудь в овраге и – концы в воду. Случись, начнется следствие в связи с нашим бесследным исчезновением – можно гарантировать, что найдутся «свидетели», которые будут уверять, что мы из Горбылева уехали в сторону Москвы и нас надо искать на всем протяжении трассы.

– Ни хрена себе, перспективка! – возмущенно фыркнул Стас. – И как же мы, по-твоему, должны на это реагировать?

– Соответствующим образом... Сейчас присмотрю подходящее место, там устраиваем засаду, оставив «Пежо» на виду. Они наверняка остановятся и тут же попадут нам на мушку.

– Ну-у, хорошо-о-о... – с каким-то непонятным подтекстом протянул Станислав. – Попадут. обяза-а-тельно попадут!..

В этот момент «Пежо» вынырнул из густого подроста осинника и оказался на еле приметной грунтовой дороге, тянущейся вдоль высокого прибрежного бугра с крутым склоном, метрах в трехстах резко сворачивая к его вершине.

– Вот за этим бугром мы их и будем брать! – пояснил Лев, сбавив скорость, чтобы не перевернуться на самом крутом участке пути.

Когда «Пежо», преодолев наклонный участок дороги, свернул вправо и, только что не вставая на дыбы, покатил к вершине, Крячко, не выпуская из поля зрения спешащий за ними «Катерпиллер», в какой-то миг заметил мелькнувший в окне пассажирской дверцы тягача ствол автомата. Ничего не говоря Гурову, он левой рукой вскинул пистолет и, тщательно прицелившись, в тот самый момент, когда передние колеса «американца» оказались на самом крутом выступе, выпустил несколько пуль в переднее левое колесо.

– Ты зачем это?! На хрена?! – удивленно спросил Лев, наблюдая за тем, как «Катерпилер», дернувшись влево, как-то замедленно рухнул на бок и тут же, все быстрее и быстрее, неудержимо покатился вниз по склону.

Оторвавшийся прицеп кувыркался следом с тяжким уханьем и грохотом, а сам тягач, с размаху перелетев через толстенный ствол осокоря, поваленный бобрами, вздымая высокие фонтаны брызг и подняв мутную волну, плюхнулся в реку кабиной вниз, погружившись вплоть до мостов. Его передние колеса продолжали медленно вращаться, а взбаламученная вода все никак не могла успокоиться.

– Звездец!.. – нажав на тормоза, с досадой выдохнул Гуров. – Ну, ты даешь! Зачем стрелял? Этим, что сейчас сидят в кабине, скорее всего, кранты...

– Видишь ли, – голос Стаса был самой невозмутимостью, – меня так впечатлил ствол автомата, который показался в окне, что я понял без подсказок: если я немедленно не выстрелю, то выстрелят они. И тогда в речку кувыркнулся бы твой «Пежо» и мы вместе с ним.

– Гм! Ты точно заметил автомат? Тебе не показалось? – уточнил Лев с ноткой недоверия в голосе.

На это Крячко издал язвительнейшее «х-ха!» и ответил:

– Глюками и расстройствами зрения пока еще не страдаю. Это был ствол именно «АКМС». Что, пойдем, глянем? Вдруг кто-нибудь из них уцелел?

Опера спустились к берегу. Но, судя по тому, что сплюснутая при падении кабина «Катерпиллера» целиком находилась в воде, всякий, кто находился в ней, шансов выжить не имел никаких. Досадливо вздохнув, Гуров вопросительно взглянул на Станислава:

– Не знаю почему, но мне отчего-то кажется, что наше пребывание здесь теперь может существенно усложниться. Представляешь, сейчас мы приедем в горбылевский райотдел, а там – ах, какая неожиданность! – все уже знают о том, что мы сегодня «несанкционированно, без явного повода», применили оружие против «ни в чем не повинного водителя автомобиля «КрАЗ». Но это еще цветочки! Если учесть, что случилось с этим чертовым «Катерпиллером», то претензии к нам могут оказаться куда более серьезными.

– Лева, у нас не было выбора, – флегматично парировал Станислав. – И даже если дело дойдет до судебного разбирательства, все козыри у нас на руках. И самый главный – запись видеорегистратора.

– Это-то – да... Но в любом случае, перед тем как ехать РОВД, надо хорошенько себе «постелить соломки». Сейчас скачаю с карты памяти видеорегистратора запись и отправлю ее нашим информационщикам. А ты пока свяжись с Петром – пусть будет на чеку. Вдруг нам понадобится «тяжелая артиллерия»?

– Добро... – кивнул Станислав, доставая свой телефон. – Свяжемся. Кстати, что думаешь по поводу моста? Нас там могут ждать?

– Трудно сказать... Не исключено, что могут. Хотя, по всей видимости, их главная надежда – «Катерпиллер». Они наверняка думают, что мы все еще где-то тут мотаемся по буграм, не имея шансов уйти отсюда живыми. А то, что он из игры уже выбыл, – они пока не знают. Если это так, тогда можно надеяться, что наши шансы без проблем проскочить на ту сторону очень даже высоки.

Он быстро скачал и отправил в информотдел главка записи с карты памяти видеорегистратора, после чего, выбрав пологий участок на склоне, развернулся в обратную сторону и прибавил ходу. Тем временем Стас созвонился с Орловым. Тот, узнав о случившемся за последние полчаса, отреагировал однозначным:

– Совсем оборзели уроды! Все! Буду выходить на министерство, ставить вопрос о проведении в Горбылеве операции с привлечением спецназа. Я им устрою «веселую жизнь»! А ваша главная задача на данный момент – установить состав этого бандитского «синедриона» и его местонахождение. Действуйте!

Еще по пути к шоссе опера увидели взмывшую над вершинами вязов и осин стрелу мощного автокрана. Судя по всему, с его помощью на дорогу поднимали «КраЗ» и упавшие с трейлера контейнеры. Когда приятели выехали на асфальт, им в глаза сразу же бросилась машина гаишников, стоявшая подле автокрана, и какие-то люди в гражданском и полицейской форме, которые что-то бурно обсуждали. Пользуясь тем, что в этот момент по трассе следовал «КамАЗ» с фурой, на которой была нарисована символика одной из крупных торговых сетей, Гуров дал газу, и никем не замеченный «Пежо» под прикрытием тягача вновь покати́л в сторону Горбылева.

Отъехав от места работы автокрана на пару километров, Лев неожиданно свернул на обочину и остановился. Крячко, взглянув на него, недоуменно мотнул головой: что за остановка?

– «КамАЗ» пропустим вперед – теперь нам нужна маскировка спереди. И вот еще что... Ложись на заднее сиденье и делай вид, что спишь. Те, что нас могут ждать у моста, скорее всего, знают, что им следует обратить внимание на серую иномарку, в которой едут двое мужчин. Видя одного человека, они какое-то время будут сбиты с толку. Конечно, они могут знать наш номер. Но... могут и не знать. В любом случае пистолет перезаряди и держи наготове.

– Понял! – Стас немедленно перебрался на заднее сиденье, заменил обойму в пистолете и лег, укрывшись своей ветровкой.

– Ну, с богом! – негромко обронил Гуров, включив передачу и пристраиваясь сзади к пропылившему мимо них «КамАЗу».

Потянулись томительные мгновения. Сквозь клубы пыли, вздымаемые мощными колесами фуры и тягача, Лев вскоре заметил стоящий у самого моста белый «Рено», подле которого топтались двое парней в джинсе, бейсболках и темных очках. Непонятная парочка, дымя сигаретами, поглядывала в сторону транспорта, идущего со стороны Орехова, и усиленно изображала из себя «просто проезжающих», которые остановились «просто так» и от нечего делать осматриваются по сторонам. Но опытного опера, умеющего с первого взгляда распознать среди толпы в «случайном прохожем» темную личность с криминальным нутром, это наивное актерство обмануть могло вряд ли.

Присмотревшись, Гуров различил болтающийся на руке у одного из «просто проезжих» гаишный жезл. Это говорило о том, что у моста дежурили переодетые гаишники. «Ну что ж, – мысленно рассудил он, – надо бы и мне полицействовать... Сейчас изобразим кое-что нестандартное...» Лев достал из бардачка и надел «суперменские» темные очки, придавшие ему сходство с Терминатором в исполнении Шварценеггера, на лице изобразил мину высокомерного пренебрежения и некоторой скуки.

– Их двое, оба в гражданке, у одного гаишный жезл! – глядя перед собой, вполголоса сообщил он Стасу.

Руля одними лишь кончиками пальцев правой руки, Лев неспешно въехал на мост и вскоре был уже на его другой стороне. Глянув в зеркало заднего вида, заметил, как один из переодетых гаишников, нервно промахав своим жезлом, заставил остановиться светло-серую «Шкоду», в салоне которой сидели двое мужчин. Поняв, что парни крепко лопухнулись, тормознув совершенно случайных людей, он негромко рассмеялся.

– Что там смешного? – подал голос Крячко. – Подниматься-то уже можно?

– Можно, можно... – Гуров прибавил ходу и, обгоняя фуру, снова оглянулся.

С пригорка, на который вывела дорога, была видна «Шкода» у моста, которую, заставив съехать на обочину, всюю шмонали гаишники. Оглянулся и Станислав. Некоторое время он всматривался в происходящее у моста, после чего, крутнув головой, издал язвительное «х-ха!».

– Я вот только одного не могу понять... – заговорил он, убирая пистолет в кобуру. – Ну, допустим, остановили бы они нас. И что? Мы имеем все законные основания послать их в одном известном направлении, даже с учетом того, что нам какое-то время назад пришлось открывать огонь по большегрузам, пытавшимся спровоцировать ДТП. Но кто из них мог бы

нас там видеть? Чем бы они доказали, что не без нашей помощи «Катерпиллер» укатился в Сазанку?

– Знаешь, Стас, мне так думается, никто ничего доказывать нам и не собирался, – улыбнулся Лев с оттенком скептической иронии. – Конечно, варианты того, как устроить нам дешевую подставу, могли бы быть самые разные. Но я бы ничуть не удивился такому развитию событий: нас останавливают, мы посылаем их куда подальше, и тут же из кустов, как чертик из табакерки, выскакивает некая особа, начинает рвать на себе одежду, царапать лицо и истошно голосить: «Вот они! Вот они! Задержите их! Это они меня изнасиловали, избили и ограбили!!!» Тут же, откуда ни возьмись, появляются граждане в форме, касках, с автоматами, «случайно» оказавшиеся в кустах. Они нас задерживают, отвозят в горбылевское КПЗ. Те, кому положено это сделать, «забывают» сообщить об этом задержании по инстанциям. Там нас «угощают» порцией наркоты, отбивающей соображалку, после чего отпускают на все четыре стороны. Когда нас все-таки доставляют к медикам – это при счастливом развитии событий, – мы уже ничего не помним. Мы – два овоща, которые не знают даже того, как их зовут. Вот и все...

Судя по реакции Стаса, такие не слишком веселые перспективы его очень даже впечатлили. Крякнув, он хмуро отмахнулся и сердито фыркнул:

– Знаешь, Лева, ну у тебя и фантазия! Тебя если послушать, даже спать ложиться надо не только с пистолетом под подушкой, но еще и с ножом в зубах. Фу, блин, как чего-нибудь сморозишь – будто серпом по одному месту... Согласен, что тут отморозков – пруд пруди. Но уж то, что ты нафантазировал, даже для Горбылева чересчур...

Аккуратно объезжая очередную яму, Гуров несогласно помотал головой:

– Да что уж тут чересчур?! Трудно, что ли, найти какую-нибудь алкашку со справкой, пообещать ей литр водяры, объяснить, что и как проорать? Трудно организовать группу захвата, которой можно объявить, что надо взять двух особо опасных преступников, которые выдают себя за сотрудников московского угрозыска. И все! Парни будут уверены: эти двое – особо опасные преступники и их надо «заластать», невзирая ни на какие их протесты и заявления. Учти, спецназ – силовики в чистом виде, их дело не расследовать и уточнять, а задерживать.

– Ну, задержали! – Крячко не на шутку разгорячился. – Но информация-то все равно может просочиться о факте задержания непонятно кого. Это ведь могут проверить. И тогда-а...

– А что «тогда-а»? Даже если какая-то инфа и просочится куда не надо и приедет некая комиссия, выйти из положения – проще простого. Можно показать в КПЗ двух бомжей и объявить: вот они, эти задержанные. Спецназ на опознание повезут едва ли. Ну и – концы в воду. Тоже мне, проблема!

– Да, Лева, повторю не раз уже мною сказанное: если бы ты был «по ту сторону баррикад», то в сравнении с тобой всякие там Аль-Капоне смотрелись бы мелкой шушерой. Мы сейчас в райотдел?

– Да... Надо внести некоторое оживление в криминальную атмосферу здешней «конторы», – кивнул Гуров, глядя на приближающиеся горбылевские окраины.

На какое-то время в кабине установилось молчание.

– Мне, что ли, тоже пофантазировать? – неожиданно снова заговорил Станислав. – Значит, так... Приезжаем мы в райотдел, а там, даже если и знают о том, что это мы стреляли и по «КрАЗу» и по «Катерпиллеру», об этом – ни гу-гу. Они не идиоты – понимают, что мы тоже не идиоты и подстраховались в смысле отправки информации в свою «контору». И если вдруг начнется «битье горшков», то они понесут урон гораздо больший, нежели мы. Что скажешь?

– Что скажу? Отличный анализ ситуации. Думаю, что именно так все и будет... – одобритительно кивнул Лев.

Без особого труда разыскав улицу Борцов Революции, опера, проехав по ней, остановились у двухэтажного здания, окруженного железобетонным ограждением из плит в рост чело-

века, окрашенного в сине-зеленые тона. Подле ворот в ряд стояло около десятка машин, в подавляющем большинстве – иномарок. Опера прошли к большому стеклянному тамбуру, внутри которого находилась входная бронированная дверь непосредственно в здание. На стене рядом с дверью была установлена коробка переговорного устройства, сверху за происходящим в тамбуре наблюдал стеклянный «глазок» камеры видеонаблюдения.

– Бли-ин! Ты только глянь, – язвительно «восхитился» Стас. – Да у нас в Главке проходная система проще. Я охреневаю – ну тут и навороты!..

Лев нажал на кнопку вызова, и из динамика послышался искаженный электроникой голос:

– Слушаю вас! Вы по какому вопросу?

– Это дежурный? Мы – сотрудники федерального главка угрозыска, полковник Гуров и полковник Крячко. Нам нужен начальник вашего райотдела, – суховато пояснил Гуров, поднеся к объективу камеры свое удостоверение.

– А-а-а... Его нет, он на совещании... – уже несколько растерянно сообщил дежурный, но его тут же перебил рык Станислава:

– Это что за новая мода – держать представителей главка в прихожке и общаться через селектор?! Ну-ка, живенько дверь откройте!

– Ой, извините! – донеслось из динамика, и тут же щелкнул магнитный замок двери. – Добро пожаловать!

Опера вошли в просторный вестибюль, в центре которого была оборудована дежурка, похожая на большущий аквариум. Прапорщик и сержант, сидя за столами, с любопытством взирали через стекло на нежданных гостей. Выйдя из боковой стеклянной двери дежурки, к операм навстречу поспешил молодцеватого вида капитан, который еще раз извинился перед столичными гостями и пояснил, что начальник РОВД, подполковник Люмпахин, в данный момент находится на встрече с местными предпринимателями по вопросам соблюдения законности в бизнесе. Такие встречи они обычно проводят совместно с зампрокурора Шадряком.

– Видите ли, – несколько углубился в тему капитан, – бизнес в наши дни – явление неоднозначное. Есть немало случаев с задержками зарплат рядовым работникам частных предприятий, с наймом иностранцев-нелегалов, с нарушением требований экологии... Вот и приходится доводить до сведения господ бизнесменов, что бизнес бизнесом, но закон для всех един. Если желаете, можете подождать Ефима Аркадьевича. Я ему сейчас сообщу о вашем прибытии.

– Хорошо, мы подождем... – согласился Гуров и попросил: – А пока дайте-ка нам журналы записи происшествий. Пока вашего начальника нет, посмотрим, что тут у вас интересного происходит. Прошлые годы необязательно, хватит и последние пару месяцев.

Проводив их в свободный кабинет, капитан принес несколько толстенных «гроссбухов» формата А-3, исписанных от руки самыми разными почерками. Расположившись за столами, приятели начали их неспешно перелистывать, вглядываясь в строчки заявлений местных жителей и доклады участковых и сотрудников ППС. Содержание их было аналогично тому, что можно найти в любом другом провинциальном районе. Вот информация о том, как два соседа подрались после выпитого литра водки «за нерушимую, вечную дружбу». Тут чья-то свинья похозяйничала в соседском огороде. Еще «преступление века» – трое выпивох украли у пенсионерки самовар и сдали его в пункт скупки цветного металла...

У Стаса было примерно то же самое. Участковый по станице Фоминовской сообщил о том, что хорунжий Максимов в ходе интернет-пикировки поссорился с есаулом Тарасюком. Посчитав себя оскорбленными, оба казака решили перейти из выяснения отношений в мире виртуальном – в мир реальный. Прихватив холодное оружие, они встретились в переулке, где и попытались подуэлировать на шашках. Вовремя подоспевшие участковый со станичным атаманом пресекли намечавшуюся «сечу», отправив обоих «дуэлянтов» под домашний арест, с запретом обоим покушать горячительное и выходить в Интернет.

Дойдя до записей, датированных концом мая, Лев неожиданно наткнулся на достаточно любопытный случай. Жительница Горбылева Евгения Искомина написала жалобу на своего сожителя Германа Мумуха, который, по ее словам, пытался совратить ее несовершеннолетнюю дочь. Как сообщила заявительница, тем днем она пошла в магазин за покупками, но забыла дома кошелек. Вернувшись, с негодованием увидела, как Мумух пытается раздеть ее дочь, которая этим была очень напугана и просила оставить ее в покое. Свои действия сожитель объяснил тем, что ему крайне не понравился нескромный фасон платья падчерицы и он потребовал, чтобы та надела что-нибудь другое, поскромнее. Но поскольку девочка наотрез отказалась привести себя в более скромный вид самостоятельно, поменять на ней платье он решил сам в принудительном порядке.

Тут же значилось и заявление самого Мумуха, который в корне отрицал заявленное сожительницей. По его мнению, та затеяла весь этот сыр-бор только для того, чтобы «оттяпать» у него принадлежащий ему тягач «Катерпиллер». Герман Мумух утверждал, что эти притязания на машину начались уже давно. И все это время Евгения постоянно терроризировала его угрозами упрятать в тюрьму по «грязной статье». Поэтому ее заявление – ложь от начала до конца, а то, что и сама падчерица подтвердила факт домогательств, – не более чем сговор с матерью, пообещавшей ей дорогие подарки, если машину удастся отнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.